
МАРИЯ УСТИНОВА
Стану ему женой
Ребенок от монстра

Мария Устинова

Стану ему женой. Ребенок от монстра

«Литнет»

2021

Устинова М.

Стану ему женой. Ребенок от монстра / М. Устинова — «Литнет», 2021

❤# Когда-то я поверила, что можно любить такого человека – отдала ему сердце, душу, выносила его ребенка. Несмотря на то, кем он был – чудовищем, зверем, дьяволом. Любовь к таким мужчинам разрушает. Но я выжила. Сумела вдали от него встряхнуться, поднялась и стала жить дальше. Начала все сначала. С ребенком от него…Также в тексте:- опасный, жестокий и неоднозначный мужчина - нежная героиня - бывшие - любовь и страсть - эмоции на пределе - откровенные сцены (18+) Предупреждения: история не лайт, ОЧЕНЬ ЭМОЦИОНАЛЬНО!ГРУППА ВК И ВИЗУЛИЗАЦИЯ ГЕРОЕВ

© Устинова М., 2021
© Литнет, 2021

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 16
Глава 5 20
Глава 6 24
Глава 7 27
Глава 8 31
Глава 9 34
Глава 10 37
Глава 11 41
Глава 12 44
Глава 13 47
Глава 14 51
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Глава 1

Дисклеймер

Все герои и события вымышлены, происходят в вымышленном месте. Все совпадения случайны. Книга предназначена для читателей старше 18 лет. Сцены эротики, жестокости или насилия, в том числе сексуального, употребления алкоголя или табака, нецензурная брань, и другие спорные моменты служат исключительно для раскрытия художественного замысла, присутствуют с художественными целями, и осуждаются автором.

Из окна приемной открывался отличный вид на Москву.

– Елена Макина, – раздался голос красотки с ресепшен. – Проходите.

Макина.

Так и не привыкла к новой фамилии. Старая, как я шутила – девичья фамилия, нравилась мне больше.

Сквозь огромные намытые окна комнату для совещаний заливал утренний свет. Под блузкой между лопатками потек пот, когда я вежливо поздоровалась с мужчиной в белой рубашке. Ноги почти не гнулись от страха.

Мне позарез нужна работа. А здесь соцпакет, неплохая зарплата, карьерный рост. Стабильность. Это мои латы, которые защитят от жестокой реальности матери-одиночки. Эту компанию я внимательно изучила в интернете, прежде чем прийти. На собеседовании по скайпу я произвела неплохое впечатление, и мое портфолио очень хвалили.

У меня есть шансы. Только вот проблема в том…

– Здравствуйте, Елена.

Я ответила нервной улыбкой. Очень хотелось произвести профессиональное впечатление, а для миловидной блондинки это непросто.

– Мы рассмотрели вашу кандидатуру. Есть вопросы.

– Да, конечно, – поддакнула я.

– У вас неоконченное образование, два курса по специальности «дизайн». Почему бросили?

Нет, я подозревала, что прицепятся, но сначала на моем образовании внимания не заостряли, их больше интересовало портфолио. Я решила, что этот вопрос мы проехали.

Потому что родила не от того человека, вот почему.

К счастью, ответ был готов.

– Обучалась в Китае, – на самом деле, я там пряталась вместе с дочкой, хотя действительно между делом прослушала курс. Чтобы он не приставал, я попыталась сменить тему в сторону портфолио. – Вот, например, посмотрите…

– Опыта работы у вас нет, – перебил он, даже не взглянув.

– Я работаю с первого курса. На фрилансе.

– Почему тогда к нам? – он улыбнулся. – Елена, ваши работы понравились арт-директору, но вы очень молоды…

Я прикусила губу.

Судя по лицу мужика, я ему не нравлюсь, он мне не верит и последняя ступень собеседования – обычная формальность. Зачем было обнадеживать, если им не нравится возраст? Или они думают, что работы в портфолио не мои?

– Вам двадцать лет и у вас маленький ребенок...

– Двадцать один.

– Двадцать один, – повторил он, складывая бумаги в папку с таким видом, словно она сразу отправится в мусор. – Окончательное решение за руководителем, конечно. Мы вам позвоним.

Я разочарованно встала и забросила на плечо ремень сумки.

– Это мои работы, – сказала я напоследок. – Не сомневайтесь.

– До свидания.

Спускаясь в лифте, я старалась не кусать губы.

Я рассчитывала на эту вакансию. Конечно, не все потеряно, раз арт-директор был в восторге, но когда говорят «мы перезвоним», на деле редко перезванивают. На щеках горела жгучая обида на то, что он подумал, но не сказал вслух. Только намекнул. Ребенок декретного возраста, будет болеть. Родила рано и без мужа. Просрала образование. На что надеешься? А в опыт и талант они, кажется, не верят. Портфолио и резюме я разместила в интернете за месяц до вылета, и они нашли меня сами.

Зачем тогда было звать?!

Что ж, проглочу горькую пилюлю и пойду дальше. Какой у меня выбор?

У меня не просто нет мужа или парня, у меня вообще никого нет. Мама погибла несколько лет назад. Есть тетя в другом городе, но с ней я не поддерживаю связь. У нее своих проблем полно, а я взрослая.

Я посмотрела на часы: няня до двух. Успею на еще одно собеседование. Не такое вкусное, но лучше, чем ничего.

На улице я вызвала такси. Перемещалась по городу я пока с опаской, хотя сказали, что я могу вернуться. Прошло полтора года с момента, как я бежала, схватив новорожденную дочь и пакет с вещами. Все закончилось. Мне сказали, Москва затихла и вряд ли я кого-нибудь заинтересую.

Из крутой тачки рядом грохотала музыка. Я аккуратно обошла ее и направилась к переходу, где меня должно встретить такси. Когда проходила мимо, стекло поползло вниз, из салона донесся свист.

– Эй, красавица!

С холодным лицом я прошла мимо. Знаю я этот контингент, от таких лучше держаться подальше. Остановилась среди группы офисных сотрудников, и сделала вид, что роюсь в телефоне. Чернобровые парни в авто пристально следили за мной через лобовое.

К счастью, ждать пришлось не слишком долго. В машину я скользнула с облегчением, потому что ребята так и не убрались. Обернувшись на сиденье, я проследила, что они остались на месте, а не рванули следом, и выдохнула. Просто любители смазливых девчонок. Расслабься, Морозова, хвост не за тобой.

Я достала телефон и рассмотрела работы в портфолио. Часть из них были дизайнерскими, я разрабатывала упаковку, баннеры, но часть – рисунки. Пейзажи, дочка… Я неплохо рисую. Мне говорили, у меня есть талант и узнаваемый стиль. Им понравилось, но недостаточно… Ну что ж, руководству виднее.

Рисовала я и своего любовника, но сразу же рвала.

И уж тем более не прикладывала к резюме. Наша связь в прошлом и должна остаться тайной. Сладкой, вкусной, порочной тайной, от которой остался ребенок, огромная рана на сердце и постоянный страх.

Но когда-то надо выбираться из панциря.

Пусть мне повезет.

Второе собеседование было еще короче первого. Я претендовала на дико престижную должность администратора в рекламном агентстве, но услышав про маленького ребенка, ко мне сразу потеряли интерес, как будто я прокаженная.

– У нас есть няня, – заверила я, видя, как начальница поджала губы. – Я могу работать из дома, у меня большой опыт фриланса! И она совсем не болеет!

Оставалось броситься перед ней на колени. Женщина покачала головой и безжалостно ответила:

– Мы вам перезвоним.

Домой я возвращалась на метро, затем шла пешком.

В Москву я прилетела три дня назад. Днем было тепло, и я шла, перекинув пиджак через руку. Весна кричала и звала: посмотри на меня, жизнь прекрасна! Но в голове крутились мысли о работе. Облом. Мне не перезвонят. Конечно, я не бедствую, у меня есть заказы, и когда я улетала, господин Кац предложил «подъемные». Но навечно этих денег не хватит. Я могла еще посидеть в Пекине пару лет, но захотела домой, уверенная, что справлюсь.

И справлюсь, обязательно! Я внутренне затянула себя в узел, чтобы не раскисать. Заглянула в магазин за молоком и яблоками – в последнее время Аня постоянно их мусолила. На втором этаже попался отдел детской одежды. Я прошла между стоек, рассматривая платьица и костюмы. Вытащила один – пастельно-розовый. Одежды у нас маловато. С нежным кружевом на воротничке и манжетах. Взглянула на цену и охнула. Да уж. Я умею выбирать: если вещь – с самым высоким ценником, если мужчину – самого отъявленного.

С грустью я вернула костюм на место. Ничего. Когда-нибудь мы сможем себе позволить все.

Дома я отпустила няню.

Прошла в спальню – Аня сидела на мохнатом одеяле и собирала пирамидку из кубиков.

– Привет! – я подхватила ее на руки и расцеловала.

Услышав звонок мобильника в недрах сумки, посадила дочку обратно. Взволнованно взглянула на экран и сникла. Я надеялась, это по работе…

Эмиль Кац.

Он присматривал за мной за границей. Помогал прятаться. Я до сих пор перед ним робела, богатым, влиятельным человеком в два раза меня старше. Прежде чем отпустить, он наводил справки. Помог приехать. Я знала, зачем он звонит.

– Алло.

– У вас все хорошо?

– Да… Уже была на собеседовании, – я умолчала, что результаты так себе. – Спасибо.

Мы оба понимали, что это последний контрольный звонок.

– Уверены, что хотите остаться?

Помогать здесь он не будет. Отправляться в свободное плавание страшно, но я хотела обрести почву под ногами.

– Абсолютно.

– Напоминаю, вы в безопасности, пока не пытаетесь связаться ни с кем. Никому не звоните. Родственники, друзья. Забудьте о них.

– Понимаю.

– Я тоже не должен ничего о вас знать. Поменяйте номер телефона. Никому не говорите адрес. Свои контакты я оставлю, если что-то случится – звоните.

– Спасибо, – повторила я.

За последние полтора года я столько раз это повторяла, что тошнило от себя. Эмиль вздохнул и положил трубку. Он не сентиментальный человек – долго прощаться не станет.

Я нашла глазами дочку. Теперь мы сами по себе. А с работой, уверена, все наладится.

– Все будет отлично, слышишь? – дочка улыбнулась, услышав мамин голос. – Сейчас яблочко принесу.

На кухне я вымыла яблоко и срезала шкурку, нарезала красивыми дольками. Ноги гудели от усталости. Я отнесла тарелочку в зал и присела на покрывало. Вздохнула, влюбленными глазами глядя, с каким интересом дочь изучает кубики.

Как бы ни было тяжело, я ни о чем не жалею.

Нужно собраться и вновь просмотреть сайты в поисках работы. Обязательно что-нибудь найдется. Обязательно! Но включив телефон, я с заминкой сделала то, чего не делала уже давно.

Ввела в поисковик имя своего любовника и отца Ани.

Меня интересовали последние новости.

Глава 2

Он смотрел с фотографии пронзительными глазами.

Андрей Ремисов.

Люди боятся его имени и обезображенного лица. Я сама его боялась до дрожи. Он сам дьявол. Мы познакомились в Москве, в такие же весенние дни, как сейчас. Я вляпалась в жуткую паутину криминала, насилия и страстей, и чудом осталась в живых.

Андрей Ремисов перечеркнул мою жизнь.

На фотографии он смотрел прямо. Взгляд погасший, неулыбчивое асимметричное лицо со шрамами, глаза убийцы. Я вспоминала, как он нависал надо мной во время секса, сладострастно открыв рот. Как в драке убил человека, всадив нож по рукоять одним ударом. Я изменилась, но эти видения будут со мной до конца.

Я от него родила...

– Мой сладкий, – прошептала я, и провела по экрану пальцем.

Текст под фото я не читала. И так знаю, что написано.

Все его прегрешения.

Раньше я мониторила новости ежедневно, но постепенно все реже. Из-за хлопот с переездом, а переезжать на другой конец мира с ребенком нелегко, я ничего не искала о нем несколько месяцев.

Новостей не было с тех пор, как он исчез.

Не было их и сегодня.

– Помоги мне, а? – прошептала я, впервые обращаясь к нему за помощью, как к умершей маме. – Мне страшно…

Аня потянулась к телефону, приняв его за новую игрушку, и в этот момент он зазвонил. Подхватив расхныкавшуюся дочь, я ответила, даже не взглянув на номер:

– Да!

– Елена? – голос был мужским, очень приятным, словно я говорю с диктором или актером. – Это Михаил, сегодня вы были у нас…

Это же арт-директор!

Отличный вид на Москву. Соцпакет. Гарантии. Мой билет в успешное будущее. Он проводил первое собеседование. Я быстро ходила по комнате, сквозь дочкин плач пытаясь разобрать, что он говорит.

– Сегодня прошло не очень удачно, – словно извиняясь, заметил он. – Но мы обсудили вашу кандидатуру с руководителем. Вы можете подойти к нам еще раз?

– Когда? – я растерянно взглянула на Аню, к счастью она заинтересовалась жемчужными пуговицами моей блузки. – У меня ребенок, я только что отпустила няню…

– Завтра в девять. Подходит?

– Да, – с облегчением согласилась я, от волнения сдавило горло. – Я могу узнать, для чего?

– Я и наш эйчар дали разные оценки вашему резюме. Руководитель хочет встретиться с вами лично, чтобы принять окончательное решение. Вы будете?

Судя по интонации Михаила, борьба была жаркой.

– Обязательно, – я отключила телефон. – Видишь, Аня, мы с тобой молодцы!

Я запретила себе радоваться раньше времени, а утром меня вообще колотило от страха. Пока ждала няню, порепетировала ответы, аккуратно собрала все, что могла показать, и ровно в девять была в приемной.

Боже, как я хочу работать в этом стильном царстве, где на ресепшен сидят длинноногие красотки, а на парковке сплошь «мерседесы», «ягуары», и даже один «бентли».

Через стеклянные стены комнаты для совещаний я видела, что меня ждет целая комиссия, среди них вчерашний придирчивый менеджер – эйчар, как назвал его арт-директор, сам Михаил, и лощеный господин лет пятидесяти с седыми висками и в шикарном костюме. Почему-то кажется, что на парковке я видела его «бентли».

Проглотив страх, сомнения и бешено стучащее сердце, я вошла и скромно села напротив.

– Здравствуйте, Елена, – поздоровался Михаил.

Менеджер слева от босса безразлично смотрел в пространство, поставив на мне крест. Что-то неразборчиво буркнул, когда появилась, и на этом все.

Руководитель сидел по центру стола.

Чем-то он напоминал Эмиля Каца – не внешностью, образом. Материальное и социальное положение накладывают отпечаток на внешность. Богатый, успешный и уверенный в себе человек.

Он так и не представился.

Рассматривал меня в упор и слегка улыбался. Улыбка была застывшей, и чем-то напоминала акулью. Папку я протянула ему, но тот не шелохнулся.

– Я уже видел.

Ее забрал Михаил. Зашелестели страницы.

– Взгляните, Геннадий Александрович… – на свет вновь появились мои портреты.

– Миша, это интересно, но… – он начал качать головой. – Я абсолютно не разбираюсь в искусстве, если это так назвать. Девушка красивая, эта да.

Он поднял глаза и мило улыбнулся.

Я натянуто улыбнулась в ответ, от волнения чувствуя лед в животе.

– Геннадий Александрович, помните, я представлял проект для фойе в штаб-квартире, это именно то, что я искал…

– Если портфолио ее, – встрял менеджер. – У нее образования нет, два курса по дизайну.

– Это мои работы, – отрезала я.

Геннадий Александрович вздернул брови и пододвинул карандаш.

– Разрешите спор. Нарисуйте что-нибудь.

– Что именно? – приняла я вызов. – Могу нарисовать вас, – предложила я, когда он пожал плечами, и потянулась за карандашом.

Мне дали чистый лист, и подложив под него папку, я сделала быстрый набросок. Рисовала быстро, но все равно ушло минут двадцать. Они терпеливо ждали, пока шелестел карандаш. Мне хотелось утереть нос выскочке-менеджеру. Ненавижу несправедливые придирки.

Люди, далекие от творчества, часто скептичны.

Андрей рассмеялся, когда узнал, что я художница. Всегда снисходительно относился к этому. Но ему можно, он служил, воевал, всю жизнь занимался грязными вещами. А этому эйчару нельзя.

Я почти закончила и остановилась.

Все передала – наклон головы руководителя, солнце за спиной, строгий рот. Но в чертах рисунка явно проступал он. Так глубоко в душу въелся его образ, что когда думала о нем, Андрей приходил сам.

Нельзя получить все: и талант, и любовь. Меня и так щедро одарили, не о чем плакать.

– Не сомневайтесь во мне, – я протянула лист Геннадию Александровичу.

Тот внимательно взглянул на работу. Наверное впервые чем-то заинтересовался, что ему под нос подсунули. Такие люди тщеславны. Хорошая была идея – нарисовать его.

– С понедельника приступайте, – решил он. – Под твою ответственность, Миша.

– Спасибо, Геннадий Александрович, – с серьезным облегчением выдохнул тот.

Я тоже обрадовалась и чтобы скрыть улыбку, опустила голову.

Когда все ушли, Михаил пожал мне руку.

– Поздравляю! – у него была потная ладонь, лоб взопрел – может быть, из-за жары, солнце лупило им прямо в спины. – Мы победили, вы в команде.

От метро я возвращалась прогулочным шагом, счастливо щурясь на солнце. Только сейчас заметила и вдохнула весну. Самая сложная задача решена. Я нашла хорошую работу, есть заказы, накопления на черный день – все будет хорошо, дело за временем. Хорошо себя зарекомендую – может, частично уйду на удаленку. Рано или поздно я привыкну, приживусь, подрастет дочка и мне не будет так одиноко и страшно вечерами.

– С понедельника можете выходить на полный день, – предупредила я няню.

Остаток недели я проводила время с дочкой.

Мы гуляли, веселились. В парке я пускала мыльные пузыри, а Аня пыталась их ловить. В воскресенье приготовила одежду, тысячу раз проверила, все ли в порядке. Я страшно нервничала перед первым рабочим днем.

Но все прошло благополучно.

На проходной мое имя внесли в списки и беспрепятственно пропустили, а в службе безопасности оформили красивый пропуск и выдали бейдж. С чувством полного триумфа я надела его на шею: «Елена Макина. Заместитель директора. Арт-отдел». Теперь Михаил должен ввести меня в курс дела.

Я шла по коридору к кабинету арт-директора, глазея по сторонам.

Девятиэтажное здание полностью принадлежало компании. Я была на седьмом, Геннадий Александрович обитал еще выше. Интерьер был очень стильным, в приятных серо-голубых тонах. Вместо перегородок почти везде – стеклянные стены. Через них я видела своих будущих коллег: чрезвычайно занятых, активных, и отлично одетых – компания богатая. Прежде чем отыскать в конце крыла кабинет Михаила, я успела увидеть местную комнату для совещаний с шикарным овальным столом, иместо для отдыха. Я постучала, приоткрыла дверь и наткнулась на пустой стол.

Кабинет открыт, а Михаила где-то носит…

– Привет!

Я обернулась.

– Ты, наверное, новенькая? – девушка за спиной удивленно округлила глаза. – Я Ксения.

Она протянула тонкую ладошку. От удивления я ее пожала. За руку, как мужчины, я здоровалась впервые.

Ксении было лет двадцать семь. У нее была копна тонких пшеничных волос и широкий рот, делавший ее похожей на лягушку. Молочная кожа усыпана веснушками. В черной узкой юбке, белой блузке и модельных туфлях на умопомрачительных шпильках она смотрелась безумно сексуально.

– Лена, новый заместитель… Меня должны были ввести в курс дела, но, – я развела руками. – Михаил скоро будет?

– Вы не знаете? – она вновь сделала большие глаза, словно я отстала от жизни. Я заметила, что девушка перешла на «вы». – Миша вчера на машине разбился… Повезло, что жив. Он на больничном, но я все покажу!

Глава 3

– Разбился? – растерялась я.

И что? Отдел на меня – новичка и дурочку, как считает менеджер, не оставят. Значит, Михаилу пришлют замену, а от меня могут избавиться.

– Отказали тормоза, полетел на красный, – подхватила Ксения, не замечая моего замешательства. Она начала собирать и складывать бумаги, расчищая стол по соседству с директорским. – По крайней мере, так сказал. Врет, наверное. Мой бывший когда ограждение по пьяни протаранил, в больничке двух слов связать не мог…

В кабинете она ориентировалась уверенно, словно часто здесь бывала. Я прочла ее бейдж: старший менеджер.

– Ну вот, все чисто, – сказала она, ликвидировав завалы. – Это ваш стол. Пока зама не было, я Мише помогала, так что кухню знаю…

– А почему вас не взяли на это место? – не поняла я и чуть не прикусила язык. Надо же такое брякнуть.

Та пожала плечами, не обидевшись, и оглянулась – что бы еще убрать?

– У нас заместитель административный работник. За креативного Мишеньку решает повседневные скучные проблемы. Он хотел, но тут нашли тебя, – она снова перешла на «ты», словно не могла определиться, какого обращения я все-таки заслуживаю. – Давай на «ты», не против?

– Нет, – широко улыбнулась я.

Мне хотелось подружиться.

– Ну и ладно… – она снова оглянулась, уперев руки в бока. – Миша сейчас разрабатывал дизайн холла головного офиса, это его идея фикс. Под это он тебя и взял. У него идея с полотнами в современном стиле, но тебе пока рано. Собственно, без Миши тебе нечего делать. Ну, ты осваивайся, мне работать надо.

– Спасибо.

До обеда я разбирала бумаги и пыталась вникнуть, чем занимался Михаил. В обеденный перерыв за мной заглянула Ксения и утянула на первый этаж в кафетерий. По статусу – простая столовая с полными тетеньками на раздаче, зато недорого и, наверняка, вкусно. Я взяла куриный суп с клецками, чай и подхватила щипцами с подноса симпатичную булочку. Ксения не глядя побросала на поднос тарелки с куриной отбивной и рисом, салат, ни на секунду не замолкая.

– …потом Маринка ушла в декрет, на замену взяли парня, оказалось, алкаш! Начал на работе чертей ловить и наблевал на стеклянную стойку. Ну, его увезли. После этого Миша никого долго не брал…

Мы выбрали столик на двоих у окна.

– А ты замужем?

Я покачала головой и попробовала золотистый бульон. Клецки оказались очень вкусными – со специями. Рот у Ксении не закрывался, болтовня начала утомлять, но мне хотелось завести подружку, бегать с ней на обед, обсуждать сплетни, чтобы все как у людей… Поэтому я ела вкусный суп, и старалась быть любезной.

– Просто живете вместе? Говорят, у тебя маленький ребенок.

– Я одна.

– Расстались? – с любопытством спросила она, подозревая банальную историю «она залетела, он ушел в туман». Но заметив печальную пелену в глазах, пробормотала. – Прости, я что-то не то ляпнула?

Это нормальный вопрос, рано или поздно мне бы его задали.

И если я буду знакомиться с людьми, пойду учиться, буду работать – просто жить, мне еще не раз его зададут. Нужно научиться отвечать, не впадая в истерику.

– Он военный... – горло перехватило.

Не могу.

Не могу о нем говорить.

– Погиб? – помогла Ксения.

– Пропал без вести, – выдохнула я, пытаясь справиться с лицом. Скорбь прилипла к нему, как гадкая вдовья вуаль.

Полуправда. Раньше я не думала, что лгать о себе так трудно. Старалась забыть, что когда-то жила с *ним*, притворялась его женой. Сначала он меня, девятнадцатилетнюю красивую дуру, сделал любовницей. Я скрашивала ему одиночество, не зная, кто он на самом деле. Потом залетела по глупости.

Аня так толком и не увидела отца. Она его не запомнила.

– Соболезную. Повезло, что взяли к нам… Знаешь, у нас можно и больничный если надо, или на сессию отпуск, нормально относятся…

Она пыталась загладить бестактность.

Я сосредоточилась на деталях, чтобы успокоиться: вкусный суп, яркое солнце, фруктовые духи Ксении. Болтовня понемногу меня расслабила, пока над столиком не повисла пауза. Я так привыкла, что девушка не замолкает, что удивленно подняла взгляд.

Ксения задумчиво смотрела в окно: с нашего места было видно, как по ступеням уверенно спускается Геннадий Александрович и садится в «бентли».

– Обедать поехал, – она вздохнула. – Зайди к нему после обеда, или знаешь... Я лучше сама. Ты сегодня первый день.

После обеда я села дальше изучать проекты Михаила, но не успела погрузиться, как заглянула Ксения.

– Лен, нас вместе зовут. Секретарша сказала.

Я подняла голову от эскизов.

– К Геннадию Александровичу?

Ксения взволнованно кивнула. Пока поднимались на лифте, она нервничала. Замолкла, выпрямилась, приобретая строгий вид.

– А в чем дело, ты не знаешь? – тихо спросила я.

Та пожала плечами, глядя в потолок, словно ей не терпелось скорее оказаться на нужном этаже.

– Догадываюсь, – она тряхнула пшеничными волосами. – Боюсь сглазить. У нас выставка скоро, а Миша на больничном…

Дверцы бесшумно распахнулись. По серо-голубому ковру мы подошли к столу секретаря – красивой блондинки немногим старше меня. Увидев нас, та молча сняла трубку.

– Геннадий Александрович, они здесь. Проходите, – она сделала знак наманикюренным пальчиком в сторону широких дверей. У нее были длинные красные ногти, как у хищницы.

Ксения шагнула в кабинет первой, преображаясь на глазах. Лучезарно улыбнулась.

– Здравствуйте, Геннадий Александрович! – голос тоже изменился, стелился мягким покрывалом. – Вызывали?

Я робко вошла следом.

Обстановка была скромная и стильная, в серо-голубых тонах. Светло-серый ковер, стеллажи еще на тон светлее, голубоватые стены. С потолка шпарил яркий свет дневных ламп. Я скользнула взглядом по стеллажам: несколько альбомов в шикарном оформлении. Белая вазочка, статуэтки, рамки с сертификатами, грамотами и наградами, несколько фото, но при этом ничего, что указывало бы на его деятельность. Я из интернета знала, что он управляет холдингом из десятка компаний, но основной доход делает на производстве дорогого алкоголя.

Внимание привлекли фото: на одном, наверное, семья, миловидная блондинка без возраста, двое детей. На другом снимке мужская компания: партнеры или друзья. Какие-то награждения, встречи, на одном из фото Геннадий Александрович перерезал ленточку.

Гендиректор не поздоровался. Она стояла перед ним вытянувшись в струнку, как солдат в строю.

– Ксения… Евгеньевна, ваш отдел остался без руководителя в самое сложное время. Заместитель первый день, впереди выставка, много работы. Мне нужен опытный работник. Вы готовы принять на себя обязанности директора?

– Геннадий Александрович, сделаю все возможное.

– Елена.

Я вопросительно приподняла брови. Сердце ломилось в ребра. В нем не было снисходительности, с которой он встретил меня на собеседовании, и я оробела еще больше. Уволят?

– Михаил за вас очень просил. Когда выйдет с больничного, приступите к вашему проекту, пока выполняйте распоряжения нового директора.

Я начала дышать, когда мы вышли из кабинета. Ксения вошла в лифт, и сбросила сдержанность.

– Да! – она исполнила короткий танец, празднуя победу. – Будет Мишеньке сюрприз!

– Я думала, меня уволят, – выдохнула я.

Мы вышли из лифта.

– Ты ему нравишься. Он год не мог запомнить мое имя... Ладно, пора за работу, – она вошла за стеклянную дверь к остальным сотрудникам отдела и проорала. – А кто у нас новый директор, слышали?!

С завистью поглядев, как Ксения хохочет с коллегами, я вернулась к себе. Хорошо, что это «к себе» вообще есть. Все обошлось, но стало грустно. Ксения вряд ли захочет со мной возиться. Она погрузилась в водоворот текущих дел и проектов, ей не до меня – она мечтала показать себя на новой должности.

Я успокоила себя тем, что первый день всегда тяжело, и засела за проекты. Выставка. Речь шла об организации выставки продукции Геннадия Александровича. Кроме того, была Мишина фикс идея по дизайну холла главного офиса. Два рекламных проекта от компаний вне нашего холдинга, которые меня озадачили. Нужно будет спросить о них Ксению. Она предупреждала, что меня ждет административная работа.

Холл временно отменяется. Значит, кинет меня на выставку. С ней больше всего возни. Ну, лишь бы платили. Я предупредила няню, что задержусь. Пока вникала, за окном стемнело, работники разошлись.

Взглянув на часы, я начала собираться. Стояла спиной к двери, складывая бумаги, и в отражении оконного стекла увидела, что в проходе кто-то стоит.

Я обернулась. Мне стало не по себе.

– Геннадий Александрович?

Он улыбнулся. Подумать только, рабочий день позади, а он выглядит, словно не устал, только вокруг глаз больше морщинок.

– Припозднилась? – по-отечески ласково спросил он, но взгляд, который скользнул по фигуре, был совсем не отцовским. – Проводить?

– Нет, спасибо, – забрав сумку, я направилась к выходу.

Геннадий Александрович пропустил меня в коридор.

– Как нет? – снисходительно усмехнулся. – Все равно вместе спускаться.

Отдел был пустым. Стеклянные двери закрыты, свет потушен, только в коридоре и на площадке перед лифтом горят лампы. Ксения уехала по вопросам выставки и в офис так и не вернулась. Коридор стал гулким и страшным. Наедине с незнакомым статусным мужчиной

неуютно. Пока он ничего не сказал и не сделал. Я даже не могу сказать, что он флиртует. Просто проводил новенькую сотрудницу.

Он помог закрыть отдел.

– Как у нас, нравится?

– Очень, – кивнула я. – Интересные проекты, для меня это работа мечты.

Он вежливо улыбнулся. От гендиректора пахло потрясающим мужским парфюмом, холодным, с ментолом. А от меня, казалось, потом: ладони вспотели от страха, сердце быстро билось.

– Ты замужем? – спросил он, когда мы вошли в лифт.

Спросил, когда створки захлопнулись. Эти лифты – настоящая западня… Спокойно. Здесь кнопка вызова диспетчера, так что мы наедине только формально. Очень хотелось сказать «да», чтобы отстал, но он видел личное дело.

– Нет.

– Может быть, поужинаем? – нейтрально предложил он.

Просто ужин коллег. Ничего больше. Я уставилась ему в глаза, располагающие, немного водянистые. Было в нем что-то – искусственность в улыбке, притворство? – что разубедило меня доверять Геннадию Александровичу.

– Нет, спасибо. Я не голодна, – я вежливо улыбнулась, будто не поняла намека. – И меня дочка маленькая дома ждет.

– Есть кто-то, кому не понравится, что мы поужинаем? – улыбнулся тот.

Что же ты такой прилипчивый…

Нет такого человека, никто ревновать не будет. Был бы *он*рядом, но… Я подумала, что никогда не видела ревности Андрея. Повода не было. Однажды один мудак меня хотел облапать, лез, куда не просили, Андрей ему пальцы сломал на обеих руках. Но мы тогда, можно сказать, были почти незнакомы. Лишь одну ночь провели вместе.

Я опустила глаза.

– Лена, если Миша не выйдет через две недели, – заговорил Геннадий Александрович, – напишет заявление на уход по здоровью. Хочешь на его место?

Он ничего не предложил.

Но я поняла. Поняла, что надо делать. Та девушка, его секретарь… И женщина на фото… Обе блондинки. Я застыла, не зная, что ответить. Геннадий Александрович выглядел абсолютно уверенным в себе. Мать-одиночка, очень молодая, близких нет, остро нужна работа…

Такие как я вынуждены цепляться за возможности. А добрый начальник всего-то предлагает получить через постель повышение. Другая бы обрадовалась: дядька упакованный, статусный и выглядит хорошо – для пятидесяти. А я представляла секс с ним, его тело, когда он снимет свой многотысячный стильный костюм, и к горлу подкатывала тошнота. Ужас от безысходности.

Был бы *он*, меня бы здесь не было. Он решал все мои проблемы, и с деньгами тоже. Поэтому Андрей имел право прикасаться к моему телу, когда хотел.

Лифт открылся. Девушку на ресепшен сменил ночной охранник – слава богу, я не наедине с Геннадием Александровичем.

– Подумай, – сказал он, и первым направился к дверям.

За ними его ждал «бентли» с водителем.

– Настенька? – он позвонил кому-то, выходя. – Поужинай со мной сегодня…

Я дождалась, пока серебристый «бентли» уедет и только тогда вышла.

И что теперь делать?

Глава 4

– Ксения…

– М-м-м?

Со скоростью света она печатала на ноутбуке, пока я путалась в мыслях, чтобы задать неловкий вопрос.

– Геннадий Александрович не пристает к сотрудницам?

Шелест клавиатуры стих. Ксения уставилась на меня, утреннее солнце подсветило легкие волосы. Тоже блондинка. Но у нее своеобразное лицо. Милое, но не для обложки, и не для поста секретаря генерального директора. Он мог не проявлять интереса.

– Он к тебе приставал? – прищурилась она.

Я почувствовала себя глупо.

Приставаниями не назвать – ну, пригласил вежливо поужинать, и за отказ не злился. Но теперь я не чувствовала себя в безопасности. Такие мужчины умеют вести себя обтекаемо – не придерешься. Но и выбора не оставляют.

Как бы Ксения не рассказала коллегам... Если Геннадий Александрович решит, что я распускаю слухи, точно рад не будет, а так, может, забудет обо мне и все само затихнет.

– Что ты, нет… Это на прошлой работе начальник приставал, у нас девочки даже увольнялись, – соврала я.

– А, понятно, – она снова начала печатать. – Наш женат, у него супруга бывшая королева красоты, модель. Он ее обожает. Таскает цветы охапками.

Голос дрогнул: Ксении завидно от охапок.

– А как ее зовут?

– Эвелина.

– А как зовут секретаршу?

– Настя, – без задней мысли ответила она. – Лена, у тебя работы нет?

Намек я уловила и вернулась к работе, немного успокоившись. Геннадий Александрович похотливый, но не агрессивный, раз сотрудники не знают о замашках. Если и пользуются дополнительной возможностью продвижения по службе, делают это тихо. Не оставаться с ним наедине, и все обойдется. Должность арт-директора мне не нужна, лишь бы свою не потерять.

Я старалась не задерживаться, и следила, чтобы не оставаться одной в отделе. К себе он меня не вызывал – в кабинет ходила исключительно Ксения. Я слишком мелкая сошка. Первая неделя прошла без происшествий, и я расслабилась. Мужчины его уровня не будут унижаться, бегать за несговорчивой девчонкой, когда перед ним и так готовы стелиться.

В понедельник попросили выйти пораньше: выставка приближалась, вместе с ней нарастала суета. Гендиректору будет не до меня. Поговаривали, в пятницу он улетает по делам в Мюнхен, тогда вообще можно выдохнуть.

В семь тридцать я была в офисе. Ксения перехватила меня в коридоре:

– Лена, у тебя загранпаспорт с собой есть?

– Зачем? – насторожилась я.

– Анастасия Павловна спрашивает… Подожди, ты что, не знаешь? Геннадий Александрович приказ подписал, ты летишь с ним в пятницу.

Сердце рухнуло в пропасть.

– Ты шутишь? Почему я?!

Ксения легкомысленно пожала плечами.

– А кто? Раньше Миша летал. Меня сейчас с выставки не снимут. Геннадий Александрович уехал, ну ты поднимись к нему, когда вернется. Он, кстати, просил. Часа в два будет. Он все объяснит!

Целый день все валилось из рук. Мысли крутились вокруг поездки. Прекрасно понимаю, что происходит, и не подкопаешься: официально я заместитель. У меня маленький ребенок, я имею право отказаться, но…

Я кусала губы.

Если так пойдет дальше, с работы придется уходить.

На обед я пришла позже остальных – чтобы посидеть одной. Есть не хотелось, я взяла чай. Прокручивала в голове, что скажу Геннадию Александровичу, чтобы отмазаться и сохранить работу.

Скажу про дочь, а он предложит оплатить няню.

Откажусь, через неделю придумает что-нибудь еще.

Будет отравлять жизнь, пока не сдамся престарелому охотнику-ловеласу.

От моего столика открывался прекрасный вид на крыльцо, дорогу и пешеходную дорожку. Здесь все такое красивое. Офисные здания напротив сияют чистыми окнами, одно из них подмигнуло бликом. Ну почему я должна бросать все из-за придурка, которому бес в ребро ударил?

Еще вчера все было хорошо.

Грустно – но хорошо… Я снова вспоминала *его*.

В субботу мы с дочкой съездили в парк. Я купила мороженое, дала Ане попробовать, и мы присели на скамейку. Тут меня и накрыло. Еще беременную, Андрей возил меня сюда. Мы гуляли, и клубничный рожок был таким же вкусным. И времени прошло всего ничего... К счастью, дочка закапризничала, и мне пришлось спустить ее со скамейки. Только она и вытягивала из печали. Погода прекрасная, пели птички. В белом нарядном платье и сандаликах, переставляя тонкие ножки по тротуару, Анюта смело шагала навстречу солнцу.

Я так и не смогла надеть на нее платье, которое купил Андрей. И кукла по-прежнему лежала в пакете. Много раз доставала подарки, рассматривала, возвращалась в то время, когда мы были вместе, и в сердце начинало свербеть. Чувства, которые вызывали эти вещи, пугали. Я прятала все назад.

А если бы не *он*, я бы заводила сейчас романы и не парилась? И Геннадий Александрович так бы меня не бесил?

В воскресенье, поручив на час Аню няне, я решила заехать в еще одно место. В военный госпиталь. Реконструкция закончилась. Постояв, я вошла за ограду. Свернула во двор. Дворик было не узнать: поздняя зелень, красивые дорожки. Отреставрированный фонтан работал. Струи серебрились в нежном утреннем воздухе.

Полтора года назад я смотрела на запущенный, в серых разводах фонтан в окно и пыталась продышать схватку. Обернулась и нашла окно. Корпус работал, в коридоре мелькали силуэты в халатах.

Интересно, где Николай Александрович? Сослуживец Андрея, военный врач, должен был принимать роды, но не приехал. Анюту принял ее отец. Там мы расстались, там я видела его в последний раз.

Было слишком больно, я ушла.

Там я потеряла *его*след. По-разному пыталась найти потом – и через знакомых, каких знала, но забыла про военного врача… Что с ним? Почему бросил нас в ту ночь?

У ступеней остановился серебристый «бентли», и я отвлеклась от мыслей. Гендиректор вернулся. По спине пробежали мурашки, словно за воротник сунули пригоршню снега.

Я его боюсь. Уже дергаюсь от каждого появления.

Геннадий Александрович показался из авто и начал подниматься к дверям офисного здания.

Я тяжело вздохнула: придется зайти. В приемной никого не было, и я робко постучала.

– Да, Настя?

Принял меня за секретаршу.

Я приоткрыла дверь: Геннадий Александрович, поставив на стол портфель, складывал документы. Некоторые были на гербовой бумаге.

– Меня просили зайти…

Он обернулся:

– Входи, Леночка, – вернулся к портфелю. – Сегодня отдай загранпаспорт Насте. В пятницу полетим в Мюнхен.

Он говорил уверенно, пока я мялась на пороге.

– Геннадий Александрович, я не смогу полететь.

Он осекся и уставился на меня.

– Простите, у меня маленький ребенок, ее не с кем оставить. И я у вас всего несколько дней, не думаю, что справлюсь…

Нужно ничего не испортить, сохранить с ним отношения и рабочее место. Я говорила с виноватой интонацией, теряясь под жестким, удивленным взглядом. Наверное, я первая, кто отказывается от заграничной поездки и его постели.

– Лена, не надо, – оставив на столе портфель, он направился ко мне.

Подошел почти вплотную. От него веяло холодом – этим его парфюмом с ментолом. Пульс заколотился в горле, но я вежливо улыбалась, как хорошая сотрудница, а внутри чувствовала себя уставшей и раздавленной. Мало тебе секретарши? Отстань ты по-хорошему…

– Я абсолютно уверен, – сказал он. – Что ты справишься с чем угодно.

Утром я сделала строгую прическу – пучок, больше уместный в офисе. Мне хотелось выглядеть серьезней, что в двадцать лет непросто. Сейчас из укладки выскользнула прядь, и он отвел ее назад, на мгновение прикоснувшись к мочке уха и задержал пальцы. Я сама отклонилась, делая вид, что ничего не замечаю.

– Ты молодая, прекрасная мама. Дети дают огромный толчок вперед в карьере. Ведь когда они появляются, у нас нет другого пути, кроме победы, не так ли?

– Согласна, но… Мне не с кем оставить дочь, – напомнила я.

– У тебя есть няня. Я оплачу, получишь командировочные. Хватит ломаться, Лена, – напускная любезность сползла с лица. – Думаешь, я не понимаю, как и почему ты здесь оказалась?

С мужским превосходством он смотрел мне в глаза.

– Геннадий Александрович, вы о чем… – пролепетала я.

Меня бросило в холодный пот. Я боялась, он скажет: мы все про тебя узнали, знаем, чьей была женщиной… Но страх сразу исчез. Если бы он знал, *чьей* я была, никогда бы не сделал постельных намеков.

– К нам очень трудно попасть, девочка, – улыбнулся он. – Миша из кожи вон лез, чтобы протащить тебя на позицию, которой ты не соответствуешь. Не думаю, что его заинтересовала твоя мазня, я прав?

– Вы что… – начала я, щеки вспыхнули от стыда.

Он решил, я спала с арт-директором за это место. Закончить «вы что себе позволяете» не смогла: голос сорвался, я чуть не расплакалась от обиды. Я знала, что разговор будет тяжелым, но такого не ожидала.

– Теперь Миши здесь нет, сделай правильный выбор и заканчивай набивать себе цену!

Он попытался меня схватить, но я отступила. Директор надвигался, пока не припер к стене.

– Геннадий Александрович! – я ударила по рукам, но он схватил меня за ягодицы, задирая юбку, и так жадно сжал, словно дорвался до райского сада.

Я брыкнулась, от прикосновений кожа вспыхнула, словно они были кислотными. Не успела заорать: по-стариковски жестким ртом он накрыл мои губы. Попытался поцеловать

меня силой, и я зажмурилась от отвращения. Противным, скользким от слюны языком, он собирался разжать мне губы. У меня перехватило горло, я мычала на одной ноте, пока не сумела его оттолкнуть.

– Вы что себе позволяете! – возмутилась я, вытирая рот.

Возможно, гендиректор ждал, я сдамся, если пойдет напролом. А мне стало так обидно и мерзко, словно мной вытерли пол.

– Я замужем! – проорала я, чтобы стереть это ощущение. Из глаз хлынули слезы. – Мой муж служил, вам ясно?!

Кричала, наплевав, что меня могут услышать в приемной, и так хотелось, чтобы это было правдой, и мой муж сломал бы ему нос. Геннадий Александрович неприятно прищурился: ему не нравилось, что на него орут.

– Ты уволена, Лена.

Ну и прекрасно! Нужно было еще утром подать заявление. Еще вчера!

Я вылетела из кабинета, и по лестнице, чтобы не ждать лифт, спустилась в отдел. В кабинете собрала сумку, проигнорировала Ксению, которая забросала меня вопросами, и вышла с каменным лицом.

Обиднее всего было за мазню.

И за чувство беспомощности, когда он силой полез целоваться и схватил за зад. За наивность, когда поверила, что с такой работой будет все хорошо. Ну что мужики за сволочи… Вытирая слезы, я спускалась по лестнице, чтобы не столкнуться с ним еще и в лифте – он собирался уходить.

В холле мы появились одновременно.

Я задержалась у ресепшен, когда открылись двери лифта. Здесь я чувствовала себя в безопасности – в холле и на крыльце полно людей. Но от стыда я прятала глаза и злилась. В отличие от него, я ничего плохого не сделала, так почему мне должно быть стыдно?

Делая вид, что не видит меня, Геннадий Александрович стремительно вышел из здания и сбежал по лестнице. Уверенный разворот плеч, идеально стриженный седой затылок – волосок к волоску, портфель в руках.

Мой взгляд в спину мог испепелить, но у него даже пиджак не помялся. Обиженные женские взгляды от таких мужиков отлетают, словно они в невидимых доспехах.

Я вышла следом и опустила глаза: меня слепило солнце, и точечный блик в окне высотки напротив.

Гад. Вот он кто. Похотливый гад!

Перед ним распахнули дверь «бентли».

Он наклонился, чтобы сесть. За секунду до того, как голова опустилась ниже уровня крыши авто, раздался хлопок, раскатистый, хоть и приглушенный городским шумом. Очень короткий. Наверное, в первый момент никто не связал этот звук с тем, как Геннадий Александрович рухнул на ступени, выронив портфель.

Но я слишком долго прожила *с ним*…

Тоже не поверила в происходящее – так быстро это произошло. Поняла, что происходит. Просто не верила в это.

Геннадий Александрович раскинулся на лестнице, согнув руки и ноги. Тело лежало, как изломанное. Я не видела рану. Понимала, что попали в голову, но не видела, куда. Стреляли из чего-то мощного: брызги крови далеко стелились по лестнице, выпачкав ступени. Выстрелом ему снесло полголовы. Сбоку раздались женские крики.

Я не могла пошевелиться.

Сумка вывалилась из рук – пальцы разогнулись от слабости сами.

Это *он*.

– Андрей… – прошептала я, чувствуя головокружение.

Глава 5

Это *он*…

Лестница, офисные здания-великаны из стекла, сквер напротив – все закружилось. На миг я закрыла глаза, проваливаясь в бездну, в ад, который раскрылся под ногами. Падала туда, где ничего нет, кроме диких чистых чувств. Где все это время безумная и страшная часть души вопила от одиночества, как раненая птица.

Звала *его*.

– Андрей, – на непослушных ногах я спустилась по ступеням.

Меня шатало. На труп я не смотрела – только вперед. Ввысь, туда, где блеснул блик. Оперлась на мощный капот «бентли», чтобы не рухнуть, и глубоко вдохнула… Несло кровью, грязью, потом. Скотобойней.

Вдох причинил боль.

В легких полыхал огонь – все это время я не дышала. Асфальт плыл под ногами. Слева раздались короткие выкрики – это охрана надрывается…

*Он*там.

Я знаю, где. И *он*должен меня видеть...

Когда я подняла глаза, блика уже не было.

*Он*сейчас уйдет.

Выждет время – и уйдет. Он всегда так делал. Я смотрела и смотрела в нужное окно, но ничего. Двадцатый этаж примерно. Двадцать первый. Ноги сами пошли ему навстречу. Наплевать, что голова кружится – внутри что-то надрывалось, захлебывалось от истерики. *Он*скоро уйдет!

Помутнение рассудка. Грань истерики.

Не знаю, что произошло: не разбирая дороги, я бросилась туда. Бежала со всех ног, не сводя взгляда с окна. Рыдала, кричала про себя, лицо залили теплые слезы, но я не замечала их.

Я ни о чем не думала, ничего не ощущала, кроме боли и отчаяния, ничего не видела вокруг. В боку кололо. Я задыхалась от холодного воздуха, болезненно врезающегося в легкие.

Миновала первый корпус, подбежала ко второму.

А если показалось?..

Что тогда?

Если там никого не окажется, я буду кататься по полу и орать, как полоумная.

Я забежала в фойе и бросилась к лифтам.

Это офисное здание, похожее на наше. Здесь были люди – офисы работали, но я не думала, как он отсюда стрелял. В голове билась мысль: *он*сейчас уйдет… Разберет и спрячет оружие, смешается с толпой, и уйдет, словно обычный посетитель. К тому моменту, как все поймут, что происходит, как полиция оцепит район, разберется с направлением стрельбы, всех опросит… Он уйдет, и следы растают.

На двадцать первый этаж лифт не шел. На двадцатый тоже.

Я вышла ниже, дождалась, когда останусь в коридоре одна и поднялась по лестнице. Меня встретили голые стены с незаконченной отделкой, пахло стройкой – начиная с двадцатого этажи на ремонте.

Дверь на двадцатый заперта.

На двадцать первом – просто прикрыта. Белые от штукатурки коридоры, пятна на полу, двери не установлены – комнаты зияли пустыми проемами. Я шла, заглядывая туда, и старалась не стучать каблуками. Вздрагивала от собственных вдохов. Сердце колотилось в горле от страха, от сухого воздуха щипало нос. Появилось ощущение нереальности, словно это сон.

Не показалось: здесь кто-то есть.

Он дальше по коридору – в комнате по левую сторону. Ее окна выходят на место убийства. Оттуда он вел огонь, приоткрыв створку окна…

На каждом шагу я умирала от страха, но надежда заставляла идти. Последние метры я преодолела, ничего не соображая. Переволновалась… Схватившись за косяк, я остановилась в проеме.

Там мы и столкнулись.

Он выходил. Рослая фигура в ветровке с надвинутым капюшоном. За спиной сумка, широкий ремень которой лежал поперек груди. Через окно позади било солнце – слепило, я и так ничего не видела. Все плыло перед глазами, а я задыхалась от волнения… Сейчас упаду в обморок. Меня знобило, как при гриппе.

Как будто я умираю.

– Андрей…

Он шарахнулся. Руки были свободными, и одна нырнула под полу, где он прятал пистолет.

– Андрей! – крикнула я, шагнула вперед, потеряв опору, и упала на него, рыдая и цепляясь за ветровку. – Андрей, любимый, это ты…

Истерично рыдая, ладонями я обхватила его лицо и сорвала капюшон.

И словно удар под дых: не он!

Это не *он*…

Мои глаза распахнулись. Я прижималась всем телом к незнакомому мужчине, тянулась вверх – к чужому лицу. Мы были так близко, что я увидела свое отражение в удивленных зрачках. У него была необычная радужка: зеленовато-коричневая, с точками, похожими на червоточинки. Чужие глаза.

Руки, лежащие на его щеках, затряслись. Одна соскользнула на плечо, я цеплялась за ветровку, надеясь, что сейчас произойдет чудо, и вместо незнакомца я увижу Андрея… Но сердце разбилось окончательно – раскололось вместе с миром.

– Отвали, – буркнул киллер, у него был низкий, красивый голос.

Оттолкнул меня, вытаскивая оружие. Я потеряла равновесие на высоких каблуках и шлепнулась, ударившись бедром. Смотрела, как он целится.

У меня был шок.

Я не боялась выстрела. В этот момент я вообще ничего не боялась. Ни смерти, ни боли. Даже время исчезло. Все было как во сне, в замедленной съемке. Перестала ощущать даже собственное тело.

– Как ты меня нашла? – пораженно спросил он.

По блику.

Я не смогла выдавить ни звука. Из меня словно вынули кости – весь скелет целиком. Я не могла бороться, молить, уговаривать, смотрела в глаза убийцы и умирала заживо, потому что это не *он*… Шок был настолько велик, что остальные ощущения отключились.

Лучше бы здесь никого не было.

– Как ты меня нашла? – повторил он, голос стал хрипловатым. – Ты одна?

Я продолжала смотреть на него, не мигая. Просто не могла справиться с собой. Он молодой. Ему лет тридцать. Плотнее Андрея, рослый. Как я могла их перепутать? Лица не видела, но фигура, силуэт – это не он. У него были широкие, мощные челюсти, и сейчас играли желваки.

– Сумасшедшая… Вставай.

Схватив меня за шею, снайпер заставил подняться, и повел к лестнице. Чувствуя тяжелую руку, я втянула голову в плечи. Ноги заплетались на каблуках. Вместе мы спускались вниз. Он остановил меня между четвертым и третьим этажом. Повернул к себе лицом и спиной прислонил к стене.

– Пожалуйста, – промямлила я, пытаясь закрыться ладонями. – У меня маленький ребенок… Она погибнет, если вы меня застрелите…

– Кому сказала про меня? – он наклонился.

Я непонимающе смотрела на парня.

– Кому сказала, что заметила блик?

– Никому, – прошептала я. – Клянусь, я никому про вас не скажу.

Мелькнула мысль сказать про Андрея: тронешь, тебе конец. Мелькнула и исчезла. Где Андрей я не знаю, а этот киллер здесь и как он относился к моему любовнику неизвестно. Не напрашивайся на пулю, Лена.

– Телефон.

Я замотала головой – нет телефона, он не поверил и обыскал. Карманов не было, но киллер провел ладонями, пытаясь отыскать потайные.

– Сболтнешь про меня, я тебя найду, – он наклонился ближе, и я опустила голову, чтобы не встречаться с ним глазами. На тех, кого боишься, всегда страшно смотреть. – Поняла?

Он подцепил подбородок и заставил взглянуть на себя. Говорил тихо, приятным баритоном.

Я уставилась в его странные глаза – в глаза зверя.

– Полчаса сидишь здесь и не рыпаешься. Потом скажешь, что испугалась, убежала, спряталась здесь, на лестнице. Меня не видела. Поняла?

Я кивнула, ощущая кольцо крепких пальцев на шее.

– Забудь обо мне.

Я снова заплакала, слезы стекали по лицу и шее, но киллер не реагировал. Затем убрал руку и легко сбежал вниз. Слабые колени не держали, по стене я съехала и села на холодные ступени, глядя ему вслед.

Думала, буду биться в истерике, но чувствовала себя белым листом.

Съежившись и ни о чем не думая, мерзла на лестнице.

Нужно вернуться. Я выронила сумку, нужно вернуться за ней. Не знаю, что скажу… Хотя парень же все объяснил, нужно только повторить: испугалась выстрела, убежала, забилась в уголок.

Я неловко встала. Не заметила, сколько времени прошло, я не засекла, но ноги затекли и будто налились свинцом, а ягодицы и часть бедер, которые прикасались к бетону, стали холодными. По лестнице так ни разу никто не спустился – вместе нас не видели.

Я добрела до первого этажа и вышла на улицу.

Возвращалась прогулочным шагом, но вид был потерянным, я обнимала себя руками. То, что у меня потрясение и шок, после столкновения с убийцей, не скрыть.

Подъездная дорога была заставлена авто: скорая, полиция… Все оцепили, но видно, что недавно приехали и только начали работу. «Бентли» стоял на том же месте, тела я не видела. Вокруг толпились зеваки.

Меня заметила Ксения и побежала навстречу.

– Лена, Лена, ты видела, Геннадия Александровича убили! Твою сумку нашли рядом, ты где была?!

– Видела, – безжизненно, как робот, и невпопад ответила я, когда она встряхнула меня за плечи.

Допроса в полиции не избежать, это плохо.

У меня левые документы – они как настоящие и пройдут проверку, но не знаю, насколько глубоко будут копать и что тогда будет.

Главное, промолчать о нем.

Я вспоминала его взгляд и верила: да, такой обязательно найдет и шлепнет, стоит открыть рот. Одного не понимала.

Почему он меня отпустил?

Ко мне уже спешил человек в форме, и я обреченно закрыла глаза. Кажется, я все-таки упаду в обморок… Меня тошнило, кружилась голова, а перед глазами стояло скульптурное лицо снайпера.

Глава 6

– Елена Макина?

Нас опрашивали в отделе. Я сидела в кресле Ксении, вытянув ноги, и держала перед носом бумажный носовой платок. Изредка промокала влажные щеки. Сумку мне отдали, и вообще отнеслись с пониманием и сочувствием. У меня был неподвижный взгляд и дрожала нижняя губа, мент списал это на шок. При мне ведь произошло жестокое убийство.

Он уже спросил, где я была и что делала в тот момент. Я ответила путано, но он не заострил внимания. Ненамного старше меня и, наверное, сам в первый раз видел заказное.

– Что вы видели или слышали перед выстрелом?

– Выстрел… – вспомнила я.

Какого черта я побежала? Андрей только «винторез» использовал. Его я бы не услышала с такого расстояния!

– Вы слышали выстрел? – не понял он. – На что было похоже? Громкий?

Я что-то промямлила и пока мент писал, вспоминала. Блик в окне увидела задолго перед выстрелом. Из кафе, перед тем, как поднялась к Геннадию Александровичу. Киллер следил за ним. Не очень опытный, раз я засекла, или просто торопился. Меня уколола догадка – в пятницу директор улетал в Мюнхен…

– Что было потом?

– Я испугалась, – я промокнула глаза платком, пряча взгляд – чтобы не понял, что лгу. – Не знаю, что нашло… С Геннадием Александровичем это случилось рядом со мной… Я убежала, спряталась в здании напротив.

Думала, лгать будет сложно, но мент кивнул и записал.

– Мне нужно домой, – спохватилась я. – У меня дочка маленькая! Ей полтора годика, она с няней! Пожалуйста!

– Не волнуйтесь…

К счастью, меня не стали задерживать. Свидетелей еще человек пятьдесят: все, кто были в холле и на улице. Мои данные переписали, и разрешили идти. Тела на ступенях уже не было. Только безобразное пятно крови осталось, но и его к утру смоет дворник. Никому не нужный «бентли» стоял перед лестницей.

Хотелось скорее уехать, я еле дождалась такси и села на заднее сиденье.

Шок понемногу отступал.

И чем больше я обдумывала перспективы, тем меньше они мне нравились. Менты могут выяснить, что у меня поддельные документы. А если узнают, что я была связана с Андреем, с меня не слезут – решат, он замешан.

Я оглянулась, прощальным взглядом окидывая здание. Прощайте мечты о стабильной, сытой жизни…

– Вы сегодня рано! – няня приветливо улыбнулась, открыв дверь.

Дочка сидела у нее на руках и тут же потянулась ко мне.

– Аня… – прошептала я, крепко прижимая дочь к себе.

– Завтра как всегда?

– Да, – солгала я.

Теперь врать придется постоянно.

Когда няня ушла, я собрала вещи. Немного детских одежек и игрушек, кукла и платьице, смена моей одежды, ноутбук, мелочи. Жизнь поместилась в спортивной сумке. Жаль терять няню. Но помня, о чем меня предупреждали, я соблюдала осторожность.

Жизнь *с ним* многому меня научила.

Связи – рвешь, вещи – бросаешь, у тебя нет дома, веер личностей и имен, тебя никто не ждет…

Вот чему я научилась.

И я ни о чем не жалею. Киллер пообещал меня пришить, а менты могут узнать мое настоящее имя. Нужно съезжать. Этот адрес несложно найти. Андрей всегда съезжал, даже если шанс засыпаться мизерный.

Подхватив на одну руку Аню, я оставила ключ на столе и захлопнула дверь. Искать квартиру времени не было – уже вечерело. Я выбрала одну из гостиниц: цены средние, есть охрана. Подойдет, а завтра сниму новую квартиру. Внизу купила поесть, искупала Аню, чтобы та успокоилась – переезд ее взбодрил, а ей скоро ложиться.

Дочке я постелила рядом с собой. Она долго крутилась, ее то интересовали новые бежевые шторы, то интриговала лампа с красным абажуром на тумбе. Повинуясь порыву, из сумки я достала тряпичную куколку. С грустью посмотрела ей в лицо, как старой знакомой, и отдала Ане…

– Папа тебе купил, – прошептала я, убирая со лба волосики.

Аня куклу сцапала, успокоилась и теперь рассматривала ее, мяла любопытными ручками. Симпатичная куколка. С золотистыми локонами, в юбке-пачке из органзы… Вспомнила *его* слова: «Это от меня дочке». Он травмировал меня сильнее, чем я думала. Фразы, его улыбка, взгляд – все вспоминалось неожиданно, всплывало из темноты сознания и причиняло невероятную боль.

Знала бы о таких последствиях, сказала бы «Нет». Не стала бы ему любовницей. А теперь поздно: вспоминать, сожалеть. Мы больше никогда не встретимся.

Я смотрела, как наша дочь приснула рядом со златокудрой куклой. Волосы Ани начали темнеть после года, хотя мы хотели, чтобы Анюта была похожа на меня.

– Спокойной ночи, – я поцеловала гладкий лобик, и села за ноутбук.

Как теперь собраться? Работу я бросила, тем более нужно держаться за заказы, а я не могу. И с крошечным ребенком оказаться в бегах совсем не то, как было Андрею. Ну что ж, ее рождение целиком было моим решением. Он предлагал аборт.

Дочка сладко посапывала, а я запустила пальцы в волосы и смотрела в одну точку. Не могла пошевелиться.

Вымоталась.

До нервного истощения. Стычка с директором в кабинете – казалось, это было не утром, а сто лет назад; убийство, мое помешательство и шок от встречи со снайпером… Перед глазами вновь появилось лицо парня: радужка орехового цвета, удивление. Когда мы столкнулись, он был так же шокирован, как и я.

Почему он не тронул меня?

Я выдохнула, и устало выпрямилась. Нужно позвонить Эмилю… Как я все объясню? Только устроилась на хорошую работу – впервые в жизни так повезло, и наемный убийца пристрелил гендиректора...

Я нахмурилась.

Таких совпадений не бывает. Я не случайно оказалась там.

А ведь Михаил сам откликнулся на резюме, выложенное в интернете... Первое собеседование прошло удаленно. Он был в восторге. Не заострял внимания на образовании, тащил изо всех сил – даже Геннадий Александрович удивился. Не говоря про эйчара.

И сразу же взял больничный, когда меня приняли.

Твою мать.

На меня вышли специально, заманили в компанию? Но как, зачем? Объяснить это мог только Михаил.

По скайпу он не ответил, по телефону тоже – гудок шел, трубку не брали. Сменил номер? Старый телефон я и сама выбросила по дороге, предусмотрительно скопировав контакты. Я написала ему везде. Может не ответить, но с сотрудниками Михаил как-то держал связь. Пригрожу, что сообщу обо всем в полицию. Чтобы ускорить дело, я написала на почту. Затем нашла списки тех, кто в розыске.

Снайпера я отлично запомнила.

Внимательно рассматривала снимки, многие были не очень качественными. Изучала черты, понимая, что плохая съемка, время, даже пластика, могли изменить их. Среди них я неожиданно наткнулась на Андрея…

Вот это удар.

Он все еще в розыске. За него объявлена награда. Выглядит так ужасно, что у меня заболело сердце. Худой, полуприкрытые глаза, и в них ничего нет, кроме пустоты и личного ада. Одна сторона лица обвисла. Фото сделали, когда он был в заключении. Если не снят с розыска, значит, власти не нашли тела... Хотя это ни о чем не говорит, конечно. Ничего не гарантирует.

Я досмотрела список до конца – снайпера не было.

Взгляд вернулся к Андрею. Я прочла текст, и больно было от каждой строчки.

– Дурак, – с горькой обидой прошептала я. – Что ты с собой сотворил?

Стало обидно за нас с дочкой. За то, что *он* не сумел наладить жизнь после службы. За сигареты на кухне, и за то, что не любил меня. Пока я была с ним, то на все закрывала глаза. Теперь молчаливая обида, которую я прятала, выгрызла себе путь наружу.

Что ты с собой сделал? Почему не пытался исправить?

Он никогда не рвался за богатством, *ему* не нужно было влияние. Но вместе с тем ничего не менял. Даже не пытался. Раньше я принимала это в нем, а потом… начала завидовать Дине и ее семье, когда их увидела.

Что-то звякнуло – мне ответили. Я открыла вкладку:

«Зачем сообщать в полицию? Чего ты хочешь?»

Ого! Михаил ответил.

«Поговорить!»

Я испугалась, что он даст заднюю, но арт-директор согласился на видеозвонок. Полиция его испугала. Сонный, он щурился в полумраке комнаты. Лицо и шея гладкие, без ушибов, не похоже, что он действительно попал в аварию.

– Ты одна? – хмуро спросил он.

– Да, – я проследила, чтобы в обзор не попала кровать с дочкой, и вообще ничего, что могло выдать местоположение гостиницы. – А с кем я могла быть?

Михаил явно ждал кого-то увидеть.

– Что ты хотела? – он сразу закрылся.

– Ты слышал, что Геннадия Александровича убили?

Я следила за лицом арт-директора. Брови сошлись над переносицей, но он не слишком удивился – да, уже знает. Нервничает, но не особо боится, вдруг поняла я… Меня осенило: он в растерянности, и не понимает происходящего, поэтому ответил на звонок.

– Что ты хотела? – повторил он, пытаясь скрыть страх.

Если я права, и меня устроили в это теплое местечко, то инициатором был не он. Слишком молод, пустышка – Михаил напоминал Валеру. Наверняка тоже меняет девушек, ходит по клубам и покуривает травку. Но чего-то он боится. Страх чувствуют все. У всех есть слабые места.

Поведу себя неуверенно, ничего не добьюсь. Начну мямлить, Михаил будет все отрицать. Такие парни, как он, эгоисты, трусы и думают только о себе. Для начала нужно его расколоть и я решила сделать вид, что все знаю.

– Как тебя заставили принять меня на работу?

Глава 7

– Шантаж? – продолжила я. – Угрозы? Деньги? На чем подловили? Только не нужно врать... Что обещали взамен?

От обиды я говорила немного развязно. Не так уж я оказалась хороша, чтобы меня взяли за «мазню», как выразился Геннадий Александрович.

– Я никому не скажу, – продолжила я. – Но если не ответишь, я пойду в полицию. Они захотят выяснить, не было ли связи между этим случаем и убийством…

– При чем здесь убийство? – не на шутку перепугался Михаил, потея на глазах. – Я ничего криминального не сделал!

– Ты бы не прятался…

– Я по личным мотивам прячусь, понятно!

Он отпрянул от камеры, лоб блестел от пота, как на последнем собеседовании. Глаза арт-директора расширились от возмущения. Хотя бы не врет про аварию. Вид искренний. Кажется, раньше он даже не думал, что тут возможна связь.

– Я скрываюсь от кредиторов, понятно! Мне обещали помочь с этим и попросили тебя к нам устроить! Он прислал твое резюме, сказал, ты его девушка!

– Что? – переспросила я, наклоняясь к монитору. Лицо исказилось и глаза стали огромными. – Чья девушка?

В глазах Михаила появилась неподдельная паника.

– У тебя ведь есть парень, да? – испуганно спросил он.

– Когда это было?

– В прошлом месяце… Я играю иногда, а в тот день меня крупье подставил!..

Иногда – он приуменьшил. Михаил путано объяснил, что пристрастился к азартным играм через интернет-казино еще в студенчестве, затем пошел дальше. Долги росли, но власть игры была сильнее воли и здравого рассудка.

Во время очередного проигрыша его отвели на задний двор вышибалы подпольного казино и, по приказу хозяина, крепко поговорили о том, что долги пора возвращать. В расправу вмешался один из посетителей: шуганул вышибал, отвел в бар, угостил выпивкой… Разговорились. Михаил всем поделился: где работает, сколько должен, что игра не прет.

– Ну, он как узнал, где работаю, говорит, я все проблемы решу, – Михаил пожал плечами, словно извиняясь за свою недалекую корысть. – Сумма большая. Он попросил устроить тебя к нам. Говорит, у меня девушка художница, хочу ей сюрприз сделать.

– И тебя это не насторожило? – нахмурилась я.

Скорее всего, он этим вышибалам и заплатил, чтобы все подстроить!

– А что такого? К нам многие хотят попасть, ты видела конкурс? Никакого же криминала… Он мне помог, я – ему. Впечатлить, может, хотел тебя…

– Почему ты прятался? Он не отдал деньги?

Исчезновение на следующее утро после успешного собеседования меня настораживало.

– Отдал, – Михаил уставился в пустоту. – Я тем же вечером пошел в казино возвращать долг. Ну, зашел в зал подождать хозяина… Деньжищ куча… Думаю, сейчас поставлю на рулетку, куш сорву и долг верну, и еще останется. Ну и…

– Все проиграл, – заключила я, потеряв интерес. – Как он выглядел?

В груди неприятно заныло – тихонько, и неизбежно. Почти незаметным фоном, так наверное, ноет у бесплодных, когда те видят счастливых малышей, у брошенных у алтаря, у преданных… Тоска по несбыточному.

Это не *он*…

Андрей не стал бы втягивать нас в игру. Он стремился спасти нас, спрятать – любой ценой.

– Выше меня, спортивный… – начал перечислять Михаил. – Лет тридцать. Лицо такое широкое, – он показал пальцами в районе нижней челюсти, и сразу вспомнился снайпер. – С выпуклыми скулами…

– Волосы русые?

– Да.

– Зеленые глаза?

– Так ты его знаешь? – он с облегчением выдохнул, мол, что ты мне тогда голову морочишь, испугала!

– Постой, – я встала, отыскала карандаш и Анютин альбом.

В несколько штрихов набросала его. Лицо стрелка, которого я приняла за Андрея, стояло перед глазами, как живое. Рука дрожала. Вместо прорисовки сосредоточилась на ярких деталях, которые создают индивидуальность – как на фотороботах.

– Это он? – я поднесла рисунок к объективу камеры.

– Да-да-да! – обрадовался он. – Значит, все в порядке?

Я помрачнела, но он не замечал этого. Болтал, как тянул меня на собеседованиях и из кожи вон лез, чтобы отработать деньги. Как взбрыкнул вредный эйчар и пришлось уговаривать Геннадия Александровича…

– Это он дал тебе резюме? – уточнила я. – Зачем было нужно первое собеседование?

Михаил пожал плечами:

– Он сказал устроить. Попросил записать звонок и потом забрал запись. Может, на память?

– Спасибо… – пробормотала я. – Никому об этом не говори, хорошо? Директора застрелили. Кому-нибудь совпадение покажется подозрительным, повесят на нас убийство, оно тебе надо?

Михаил заверил меня, что никогда, и я отключилась. В отличие от этого веселого идиота я понимала, что на работу мечты меня устроил не влюбленный парень, а убийца директора.

Он знает, кто я.

Никаких сомнений. Знает, *чьей* была любовницей. Почти женой, матерью ребенка. И это не месть ему, иначе киллер убил бы нас сразу, а он меня отпустил...

Но…

Никто не знал, что я решила вернуться, меня не могли найти. Это невозможно, я не выходила на связь со старыми знакомыми, у меня новые документы, я даже аккаунты в соцсетях меняла. Никто не мог на меня выйти!

Но таких совпадений не бывает.

Чего тогда хочет? Каким был план? Нужно звонить Эмилю. Я взглянула на часы: в Пекине сейчас ночь, и решила дождаться утра. Сидела, беспомощно глядя в окно. Зашелестел, застучал по стеклу ночной дождь, постепенно набирая силу.

Что бы ни задумал неизвестный киллер – это связано *с ним*. А вдруг это доказывает, что Андрей жив?.. Зачем иначе впутывать меня в эту странную историю?

Я вспомнила, как *он* уходил, и закрыла глаза.

В моем воображении это происходило снова и снова. А если жив – и здесь, в Москве – что тогда? Сердце мучительно пульсировало. В Пекине меня прятали не только от его врагов… От него самого тоже. Мы расстались навсегда, понимая, что делаем – ради будущего нашей дочери. Я его люблю и боюсь, потому что слишком хорошо знаю, что это значит, любить такого, как *он*.

Боже… Я представляла нашу встречу и умирала заживо.

Я бы не выдержала… Я и сейчас не выдерживаю: вспоминаю его улыбку – всю трясет. Не знаю, что происходит. Выманивать его на меня бесполезно, Андрей, даже если жив, не знает, где я. Таким был уговор.

Но зачем тогда?..

Нужно почитать про Геннадия Александровича. Это он был целью. Я ввела его фамилию в поисковик. Последние новости пестрели заголовками о заказном убийстве. Я прочла пару, остальные на разные лады перепевали друг друга. Были намеки и на «личный мотив». Гендиректор вел разнузданную сексуальную жизнь. Заслужил свое. Бес в ребро – пуля в голову. Значит, не одна я пострадала. И вдруг: «Убийство бизнесмена связано с убийством полугодичной давности?»

Я нахмурилась и щелкнула по заголовку.

Статью сопровождало знакомое фото: трое мужчин, Геннадий Александрович крайний слева. Этот снимок я видела в кабинете на стеллаже. Друзья? Партнеры? Мужчины в костюмах, одного возраста, состоятельные. Лицо бизнесмена справа тоже взято в черный кружок: застрелен полгода назад…

С этим убийством и усмотрели связь. Следы не найдены, работал профессионал. Я прочла статью, но так и не поняла, что точно связывало мужчин на фото: «связи в прошлом», которые они поддерживали, могли означать что угодно.

Я взглянула на мужчину в центре: последнего живого на снимке, судя по отсутствию кружка. Импозантный, неуловимо похожий на голливудского актера из-за улыбки, а вот глаза… Они напомнили мне Андрея. У мужчины был взгляд прожженного убийцы.

– Кто это еще… – пробормотала я, но не успела начать поиски.

Анюта всхлипнула, разревелась, и вскинулась.

– Анечка, – я торопливо присела на кровать.

Думала, нового места испугалась. Собиралась взять на руки, успокоить, но чуть не обожглась, когда прикоснулась. У нее был жар! Аукнулись мороженое и прогулки в парке. Как вовремя!

– Мама сейчас поможет, – я подхватила ее на руки, и Анюта без сил прижалась ко мне. Одной рукой я покопалась в сумке, но не смогла найти градусник, и позвонила администратору. – Алло? У вас есть аптечка? Ребенок заболел, из двадцать третьего…

Градусник принесли минут через пять. Я посадила дочь на колени и измерила температуру. Обычно активная, она не сопротивлялась – стала вялой. Почти тридцать девять. Я сглотнула и выдохнула:

– Ну, ничего. Обычная простуда.

– Можно вызвать врача, – предложила администратор.

Врача, когда не хочу светить документы? Оставлю на самый крайний случай.

– Ничего страшного, – улыбнулась я. – Дети постоянно температурят. Спасибо. Можно попросить у вас чайную ложечку?

– Оставьте себе, – сказала она, когда я попыталась вернуть градусник. – Ложку сейчас принесу.

Администратор ушла, и я приглушила свет, оставив лишь лампу на тумбе. Абажур отбрасывал красные отблески. Остаток ночи я сидела с дочкой: поила водой и сторожила неровный сон. Хуже не становилось, но и лучше тоже.

Про Эмиля вспомнила ближе к рассвету. Разница с Пекином – пять часов, у него уже утро. Я набрала номер, не зная, что скажу. После бессонной ночи мысли путались.

– Лена? Что-то случилось?

Уверенный голос сразу успокоил меня. Но усталость, болезнь дочери, которая все еще горела от жара, бесконечный прошлый день просто сбивали с ног.

Эмиль Кац помогал прятаться за границей, но я понимала, что он не подписывался вечно меня опекать. Я ему не дочь. Он особо подчеркивал, что ему не нужны криминальные проблемы, и вполне может отказаться помогать, когда все узнает.

– Лена? – повторил он.

– У меня неприятности, – тихо призналась я. – Эмиль, меня кто-то вычислил. Как вы считаете… Андрей может быть жив?

Глава 8

Мы ни разу не говорили об этом.

Дина рассказала, что когда меня забирали из военного госпиталя с малышкой, *он* обеспечивал отход. В последний раз Андрея видели в машине… Его убивали бывшие друзья. Но Эмиль распорядился не вмешиваться, и охрана просто ушла, бросив *его* одного.

Эмиль никогда не говорил об этом.

И я его не упрекала.

Но прямо спрашивала в первый раз. Я слышала, как он затаил дыхание, размышляя. Ждала, он скажет правду, которую я и так знаю: нет. Но Эмиль не был бы Эмилем, если бы не учитывал все факторы.

– Что натолкнуло вас на эту мысль?

– Меня пытались использовать, – в ночном номере было страшно говорить вслух, но я рассказала, как обманом заманили на работу, а через пару недель директор погиб от пули снайпера. – Я его видела. Убийца меня отпустил. Потом оказалось, это он устроил меня в компанию через завербованного сотрудника. Вычислил еще в Пекине…

– Нетипичный почерк, – Кац мгновенно, как зверь, напрягся. – Что-то странное!

В криминальных разборках бывший бандит и лидер группировки разбирался, как никто другой. И если он говорит, почерк странный – так и есть. По спине прошел озноб. Я попала в крутой, непонятный замес без правил.

– Я не понимаю, зачем это, если Андрея нет…

Нет в живых.

– Цель не вы, – согласился Кац. – Хотели бы убить, уже бы убили. Я не знаю, Лена. О Ремисове давно ничего не слышал. Тело не обнаружили. Это не говорит, что он жив…

– И то, что мертв, тоже не говорит.

– Да. Вы ни с кем не связывались, не звонили домой из Пекина?

– Клянусь, что нет.

– Как он вас нашел? Это невозможно, – Эмиль повторял мои мысли. – Под фамилией Макина вы неизвестны. Даже если бы Ремисов раскололся, о новых документах он не знал.

Я прикусила губу.

Еще раз имя мне меняли в Китае.

Я уже понимала, почему. Эмиль знал, что Андрея взяли. Неизвестно, убили его, ушел он или его забрали и подвергли пыткам, чтобы выбить информацию. У них с Эмилем был уговор. Даже Андрею не сказали, куда нас увозят. Документ нам с дочкой меняли из тех же соображений – старую фамилию Андрей знал. Эмиль поменял несколько букв, чтобы мне было привычнее. Окончательно запутал след. Андрей не знал о нас ровным счетом ничего.

– Я нарисовала убийцу, – добавила я. – Пришлю, вдруг вы его знаете…

– Вам нужно уезжать.

Я оглянулась на измученную температурой, спящую Анюту, и мысленно согласилась.

– Через два дня я буду в Москве, можете улететь со мной в Пекин. Оставайтесь в гостинице, никуда не выходите. Я позвоню.

– Спасибо, – искренне прошептала я, всегда помня, что он мог отказаться.

– Пока не за что.

Он первым бросил трубку. Я сфотографировала рисунок рядом с лампой, чтобы света было побольше, и выслала Кацу.

Пришло сообщение: «Выясню, кто это».

Я отключила телефон и осторожно легла с дочкой. Голова гудела, свинцовые веки опустились сами. Я к этому состоянию привыкла, когда родилась Аня, и даже овладела волшебным

даром засыпать, как только голова коснется подушки. Кукла оказалась между нами. Я обняла игрушку с другой стороны, как дочка.

Как *его* не хватает… Не хватает тепла, руки на щеке, поцелуя в темя. Придется вернуться в Пекин. Если он погиб: он сделал это ради нас, чтобы со мной и Аней все было хорошо. А если жив…

Я открыла глаза, устало глядя в потолок.

Если Андрей жив, и на меня вышли, используя почти шахматную комбинацию – тем более я должна уехать.

Не стоило приезжать.

В Пекине было сложнее, но там я думала об Андрее меньше. Москва пробудила воспоминания. Вместе с ними пришла боль.

Неизвестность так тяжела: постоянно дает ложную надежду, а затем отбирает. Иногда ужасный конец предпочтительней – его можно принять. Пройдет ли моя тоска по нему? Или до конца жизни я обречена переживать это?

Я засыпала со слезами на глазах. Во сне пришел *он*, чего уже давно не случалось, сидел на кровати рядом и гладил волосы, разметавшиеся по подушке. Шептал на ушко, и, казалось, еще чуть-чуть и я начну разбирать нежные слова. После вчерашнего я боялась кошмаров. Андрей забрал на себя часть моих тревог, впрочем, как всегда, когда… был жив.

Я проснулась через несколько часов: дернулась, как от тока и проверила лобик дочери. Жар понемногу спадал. В окно робко заглядывало пасмурное утро. Слипались глаза, и я снова прилегла рядом. С перерывами мы проспали почти до обеда.

Затем я попросила на ресепшен послать курьера в аптеку. Покупала с запасом: лекарства для Ани, дети ведь так неровно болеют, жаропонижающее еще может понадобиться… Еды на три-четыре дня, молоко… Голова шла кругом. Я была намерена дождаться отъезда, не выходя из отеля.

Аня проснулась немного вялой, но температура спала. Я не спешила радоваться, зная, как обманчивы детские болезни. Дочка попила молока, сползла с кровати и заинтересованно огляделась – пока еще робко в незнакомой обстановке. У меня отлегло от сердца. Остаток дня мы играли, бегали, потом пришлось переезжать – я брала номер на сутки. Альтернативу предложили даже лучше: номер был просторнее, в другом крыле, на этаж выше. В соседний въехала семья с детьми, и я совсем успокоилась. Младшему было около двух, они с Аней заинтересовались друг другом и делили кубики на ковре. Я смогла немного выдохнуть.

Когда выдавалась свободная минутка, я смотрела новости. Ничего нового. Убийство обсуждали, но уже известные факты. Ничего о загадочном стрелке.

Эмиль обещал о нем узнать. Но рисунок – это не фотография, плюс займет время. Этот человек интересовал меня еще и потому, что мне казалось, он знает Андрея. Моей смерти он не хотел. К тому моменту, как Геннадия Александровича застрелили, киллер знал обо мне все: мог похитить меня, шантажировать, так бы поступил враг Андрея.

Со мной это уже проделывали.

Около девяти я попросила мамочку из соседнего номера присмотреть за Анютой минут пятнадцать и вернулась в номер.

Быстро приму душ и пора укладываться.

День прошел – и слава богу. Еще день, две ночи и я буду в безопасности…

Свет не стала включать, сразу направилась в душевую. Она располагалась немного под углом к комнате и была направлена к входной двери. Я хотела иметь возможность все слышать, пока принимаю душ. Вдруг Аня расплачется, или ко мне постучат? С закрытой дверью, под душем, я этого не услышу.

Я включила воду и подставила ладонь. Упругие струи ее защекотали. Теплая. Предвкушая отдых, развязала гостиничный халат и забралась в кабину. Во мне боролись материнские

чувства, которые торопили: «Мойся скорее!», и желание расслабиться. Только когда я завела своего ребенка, поняла, что сделала для меня мама. Как она вообще справлялась? Я ужасно выматывалась. Завидовала всем молодым мамочкам, когда видела, что они с мужьями, бабушками, родней.

Пятнадцать минут на душ – это целое сокровище.

Я провела по волосам, помогая воде скорее пропитать их. Запрокинула голову, ощущая нежные струи на лице. Последние сутки превратили меня в сжатую пружину, а душ снял напряжение и усталость. Несколько минут просто стояла, затем выдавила в ладонь немного гостиничного шампуня, пахнущего вишней, и вымыла волосы. Смыв пену, замерла: из-за шумящей воды не слышно, что происходит, приходилось прислушиваться, не плачет ли Аня в соседнем номере, не тарабанят ли в дверь...

Тихо.

Детский плач я бы сразу услышала. Моя крошка умеет реветь, как иерихонская труба.

Я мылась, спиной стоя к двери, плюс стенки кабины глушили звуки из номера. И словно ощутила на себе взгляд. Глупость… Дочки нет, дверь не открывалась… Кто бы смотрел на меня из темноты? Но я резко обернулась, автоматически прикрыв грудь. Показалось, там кто-то есть. Я что-то почувствовала!

Отодвинулась от потоков воды, пытаясь увидеть, что там. Ладонью провела по запотевшей стенке – пластик скрипнул. И застыла. Вдоль позвоночника пробежали мурашки, словно меня ударило электрическим током.

В глубине коридора притаился мужской силуэт.

Он просто стоял… и смотрел на меня.

Глава 9

Я оцепенела от страха.

Плечистая, рослая фигура в глубине прихожей не двигалась. Лица я не видела: он глубоко надвинул капюшон на голову. Как в прошлый раз.

Но я его узнала.

Киллер мог достать оружие, застрелить в упор и преспокойно уйти, а я бы даже пискнуть не сумела. Не могла пошевелиться. Он просто смотрел, пока я умирала от страха. Острые струи воды били сверху, через запотевшую стенку просвечивало мое тело. Сколько так стоит и смотрит? Я не слышала, как открывалась дверь: он уже был в номере, когда я пришла...

А потом поняла, что он не просто смотрит.

И онемела от удушливого, жуткого ужаса. Сжалась в комок, прикрывшись руками, словно это могло что-то исправить. Дышала паром, надо мной шелестел душ, и от страха появилось ощущение, что все происходит не со мной. Не я смотрю, как незнакомый мужчина в коридоре онанирует на меня, словно на разворот порножурнала.

Закричи, сказала я себе.

Выключи воду, надень халат, который валяется на полу рядом с душевой кабиной. Привлеки внимание! Он уйдет!

Но я молчала и не двигалась.

Это было гадко.

Я чувствовала себя объектом, сексуальной игрушкой на витрине, но не человеком, потому что людей не используют вместо порноролика вот так.

Но молчала, чтобы не стало хуже. Он только смотрел и не прикасался, кто знает, сколько это длилось, пока я от усталости наслаждалась душем... Все это время он мог стоять за спиной. Если не провоцировать, уйдет сам, а если начну орать… Он может застрелить меня. Или тех, кто прибежит на крики.

Он увидел, что я заметила, и быстро довел себя до оргазма. Секунд за двадцать. Без всякого стеснения, прямо у меня на глазах. Зажав в кулаке хозяйство, свободной рукой оперся на стену и на миг опустил голову. Мне даже померещился стон, за шумом воды плохо было слышно.

Проваливай!

Я выдохнула от страха.

Перед глазами уже летали черные мушки от нехватки кислорода – я задерживала дыхание. Стекло запотело и я не стала протирать. Все равно видно, как черная тень в коридоре шелохнулась, и киллер направился в ванную.

Я забилась в дальний угол душевой кабины. Сверху падала вода, заливая глаза, я задыхалась от водяной пыли и страха. Грохнулась на пластиковый пол и поджала ноги, не зная, как закрыть все свои прелести…

Киллер не пялился. Повернувшись спиной, он включил воду в раковине и зачерпнул: смывал следы. Что он здесь делал? Поджидал меня или… уходил и задержался, увидев голой в душе? Он застегнул ширинку спиной ко мне, и с неспешностью хирурга начал мыть руки. Не отрывая настороженных глаз от плечистой фигуры, я свесилась из душевой кабины и подобрала халат. Не надела, просто прикрылась. Сначала сидела тихо, как мышка, а затем поняла, что ни насиловать, ни убивать он не будет – иначе уже бы приступил. Ну же, соберись с духом…

– Что вы знаете про Андрея? – выпалила я.

Он взглянул в зеркало. В моих глазах он видел лишь надежду и желание узнать правду.

– А ты?

Бархатистый голос был тихим и спокойным.

Я думала, он вымоет руки и молча уйдет. Но один вопрос уже сказал многое – он знает, кто такой Андрей.

– Вы ведь что-то знаете…

– Ремисов пропал без вести, – киллер внимательно посмотрел в глаза, вроде небрежно говорил, но взвешивал каждое слово. – Говорят, один из клиентов его кончил. О нем почти два года ничего не слышно. А ты его жена, да?

Он узнавал про Андрея…

Про меня.

Сказал «два года», округлил или совпадение, но два года назад началась наша история. Пошли слухи, что его девчонка подзалетела, меня начали искать враги. Повезло, что Андрей нашел меня, уже на приличном сроке беременную, первым.

Логично, что киллер знает нас, раз впутал меня в план с неизвестными целями. Но почему сказал: жена?..

– Что вам нужно?

Парень молча выключил воду. Капюшон не снял, но я и так видела остроскулое широкое лицо.

– Я думал, ты меня не заметишь, – белоснежным полотенцем он вытер руки. – Извини.

Он вышел из ванной, хлопнула дверь номера. Уходит… Я выдохнула, опустив голову. И дернулась – в соседнем номере Аня! Иррациональный материнский страх толкнул вперед. Поскользнувшись, я вывалилась из душевой кабины, встала, скользя, и, на ходу натянув халат на мокрое тело, выбежала в коридор.

Там никого не было. Киллер ушел.

Я затарабанила в соседнюю дверь. Вдруг унес малышку?!

Соседка открыла с Аней на руках, и с недоумением уставилась на меня. Представляю зрелище: перепуганная мамаша, волосы обвисли сосульками, с них капает…

– Показалось, Аня кричит, – пробормотала я, подхватывая ее на руки. – Иди ко мне, маленькая… Спасибо!

– Не за что, – соседка приветливо улыбнулась. – Если что, обращайся…

Я занесла Аню в номер и прислонилась к двери. По ногам прошел сквозняк, и я приоткрыла глаза – в распахнутую балконную дверь выдувало тюль.

– Вот как ты сюда попал…

От слабости у меня затряслись руки, и я ссадила дочку на пол. Выглянула на балкон: соседний примыкал встык, спортивному парню ничего не стоило перебраться с одного на другой. Свет там не горел – нежилой. Нас долго не было в номере. Аня играла с детьми, я за ней присматривала, киллер забрался, увидев что окна долго остаются темными… Это потом я не вовремя вернулась и полезла в душ, а человек оказался слаб к развлечениям.

Что он здесь делал?! Не подрочить ведь заходил?

Капризная после простуды и игр, Аня расхныкалась. Я подхватила ее на руки и огляделась: не помню, как лежали вещи… Он мог перерыть здесь все, и я бы не заметила. Бросилась за документами: на месте. Микрофон, жучок, бомба? Какой «подарок» оставил?

Я беспорядочно запихала вещи в сумку. Сунув дочери кубики, полотенцем отжала и скрутила в тугой пучок на затылке волосы. На улице тепло, и в такой прическе видно не будет, что они мокрые. Переоделась, быстро натянув чистое белье, джинсы и старую блузку.

– Иди ко мне, – дочь расхныкалась, не желая расставаться с игрушками, но я посадила ее на сгиб локтя, схватила сумку и выглянула через глазок в коридор. – Анечка, давай договоримся… Я куплю, сколько хочешь кубиков, только сейчас веди себя потише, ладно?

Коридор пустой. Я тихо приоткрыла дверь и быстро спустилась по лестнице. Сердце бухало в груди. Вот как парень меня нашел, а? Так оперативно и быстро – только по записям: на ресепшен мои данные вносили в компьютер. Я думала, это безопасно. У меня был случай,

когда *он* выследил меня по медицинским записям. Но тогда у Андрея были широкие возможности, и те сведения много куда поступают, в отличие от регистрации в гостинице. Я не собираюсь играть с ним в эту игру.

Надеюсь, на ресепшен никого не окажется…

– Что-то случилось? – администратор была на рабочем месте и вскинулась, как только я спустилась на первый этаж.

– Опять температура, – пробормотала я. – Хочу показать врачу, вызвала скорую… Простите за неудобства.

– Вам помочь? – долетело, когда я уже оказалась за вращающимися дверями на крыльце.

Темно.

Самое время бегать с больным ребенком на руках… Я вздохнула, чувствуя разрушительную усталость, дробившую кости и мышцы, как тонна камней.

Ничего. Найду гостиницу попроще, положу лишнюю купюру, скажу, паспорт украли… Не выгонят же нас на улицу. Я поддернула Аню повыше – рука отрывалась, и быстро пошла вдоль здания отеля.

Позади раздался визг покрышек.

Резкий, как будто водитель бьет по тормозам в последний момент. Я на ходу обернулась и спряталась за углом, в узком проходе между домами. Присела, прижимая хныкающую дочь.

К центральному входу подлетели несколько джипов. Хлопнули двери. Мужчины в черных костюмах целеустремленно взбежали по ступенькам. Может, не за нами, но я полузадушенно пробормотала:

– Твою мать!

Аня хныкала, и я прижалась губами к горячему лбу. Температура опять растет, а мне еще искать ночлег. Нужно идти. Сейчас кто-нибудь увидит сверху, как женщина с малышом сидит в тупике за зданием. И на камерах, натыканных вдоль фасада, останется, как я ушла и куда свернула.

Если киллер меня нашел, то и другие могли. Убежать с Аней на руках не получится, так что надо встать, тихонько выйти и идти от них. В авто остались водители, но с этого расстояния вряд ли меня узнают. Блондинок много. Они охотятся за мной? Или за киллером, который только что был у меня?

Глава 10

Перекинув Аню на другую руку, я поднялась, чуть не надорвав поясницу, и подхватила сумку. Дала себе отдышаться и бодро вывернула из-за угла.

Главное, не оглядываться.

Быстрым шагом я удалялась от гостиницы, ожидая, что в любой момент за мной бросятся следом. Прежде чем свернуть в переулок, я обернулась: мужчины в черном вышли на крыльцо.

Я скорее свернула на более оживленную улицу, нашла кафе и устроилась за столиком в глубине зала, посадив Аню на колени. Людей много – повезло. Дочка с любопытством оглянулась, заметила рыжебородого здоровяка слева и задорно улыбнулась. Пока она глазела по сторонам, я отрыла телефон на дне сумки и поискала поблизости гостиницы и комнаты внаем.

Нужно продержаться всего два дня.

Такого набора паспортов, как у Андрея, у меня нет, лишний раз светиться не хочется. Но если переезжать каждый день и мои данные никуда не внесут, вряд ли я чем-то рискую. Можно и просто соврать, что нет документов, и «доплатить за риск». Но этот способ тоже не казался надежным, когда я рассмотрела его внимательней: женщина с ребенком без документов могут вызвать подозрения. Как бы не вызвали полицию, решив, что дочку я украла, а мне эта круговерть ни к чему… Ане надоело сидеть на коленях и она попыталась спуститься.

– Ма-ма! – пискнула она, а когда я не пустила, забрыкалась и заревела, пока не подошла официантка.

– Кофе, – устало попросила я. – И ребенку сырники с джемом.

Та деловито записала и унеслась. Аня снова забрыкалась. Чувствуя себя выжатой, я отпустила и тут заметила, куда она стремилась: к разрисованной прозрачной стенке детской комнаты. Какое облегчение… Пока Аня изучала местные игрушки, мне успели принести кофе.

Я закрыла глаза.

Минутка отдыха, уютное кафе, кофейный аромат, возвращали в прошлое. Там все было просто и понятно, а самой большой проблемой казался несданный экзамен или случай, когда я попалась с дурью, пронесенной по просьбе подруги… Интересно, как Вита сейчас поживает. Наверное, у них все классно. Учится, скоро закончит и найдет работу, а мой бывший уже должен закончить, и родители должно быть подсуетились, чтобы обеспечить любимому птенчику теплое местечко…

Я всегда завидовала семейным.

Не приходится надрываться, всегда есть кому помочь, подставить плечо, поддержать… Наверное, голод по семье и теплу толкнули к *нему*, и я влюбилась, как дура, в первого, кто защитил.

В монстра.

У него все было: и деньги, и плечо надежное. Не было будущего. Я вздохнула и взглянула вокруг: посетители казались благополучными, и только я на их фоне проигрываю: родившая рано, без кола и двора, гражданская жена киллера… Мысли вновь вернулись к зеленоглазому стрелку. Почему он назвал меня женой Андрея?

Может быть, такой меня считают в их среде? Официальный брак не обязателен, достаточно иметь от него ребенка?

Поглядывая за дочкой одним глазом, я вернулась к старым поискам. Что-то рассказать о киллере могло только дело, в котором он засветился. Я нашла статью про Геннадия Александровича, и вновь рассмотрела фото.

Ну и при чем здесь я?

Я этих людей – двух убитых по краям, и бизнесмена в центре – не знаю. Андрей никогда про них не говорил. Зачем меня было впутывать? Найти имя единственного оставшегося в живых на снимке мужчины не составило труда.

Господин Глодов.

Долго жил за границей, написано: бизнесмен, инвестор, но чем конкретно занимается, неизвестно. Какой-то заграничный бизнес, несколько раз обанкротился, в молодости – аресты... Жил в разных городах и странах. Фамилия вдруг показалась знакомой. Где-то я ее слышала.

И тут нашла: его брат.

Я читала об этом, когда жила в Пекине. Первое время после отъезда ни о чем не могла думать, кроме Андрея. Ждала, *он*даст о себе знать, каждый день рылась в новостях, по крупицам отыскивая все, что хотя бы косвенно могло иметь к нему отношение…

Через четыре с половиной месяца после моего отъезда я нашла кое-что, что отдаленно касалось Андрея. Вместе с охраной был убит старик, на которого *он*работал. Это сделали люди из конкурирующей группировки, к которой когда-то и имел отношение брат Глодова, погибший несколько лет назад.

И что бы это значило?

На стол поставили тарелку с сырниками. Я принесла дочку из детской комнаты и вручила ей вилку.

– Не играй с едой, – пробормотала я, когда Аня начала восторженно размазывать джем.

– Да! – звонко ответила та, не прекращая безобразничать.

Ладно, лишь бы тихо сидела.

Я продолжила рассматривать снимок, пытаясь найти незамеченные ранее детали. Не то чтобы что-то подозревала, скорее это привычка, глаз художника.

Геннадий Александрович улыбается, на руке дорогущие часы. Интересно, почему это фото было у него в кабинете? На стеллажах стояли только снимки с важных встреч, триумфальных моментов. Просто так такое на полку не ставят.

Значит, это не просто встреча друзей. На фото запечатлена важная веха их жизни.

Я изучила фото с удвоенным вниманием, и заметила кое-что, чего раньше не видела.

Фото обрезано.

Аккуратно, с двух сторон.

С той стороны, где стоял Геннадий Александрович, не хватало человека. В кадр попал край рукава, почти незаметный на фоне пиджака гендиректора. Костюмы были практически одного цвета. С другой стороны снимок, видимо, обрезали для симметрии.

– Интересно… Кто это?

Снимок был точь-в-точь, как в кабинете. Кого же отрезали с этого праздника жизни?

Аня окончательно расковыряла сырник, съела половину, второй пришлось доедать мне. Несмотря на усталость и капризы дочки, уходить не хотелось. Среди людей я чувствовала себя в безопасности.

Дочка перемазалась джемом, и я наклонилась, вытирая мордашку салфеткой, а когда подняла глаза, чуть не рухнула под стол. За окном кафе бдительно оглядывался мужчина в черном костюме.

Они не отстали.

Удостоверившись, что того, кто им нужен, нет в гостинице, начали обшаривать прилегающие улицы. Подхватив возразившую ревом дочку под мышку, я вместе с сумкой метнулась в туалет, пока они не догадались обшарить кафе.

В кабинке я поставила Аню на влажный кафель, а сама села на унитаз.

В Пекине сейчас ночь, мне жаль его будить, но больше не у кого спросить совета!

– Меня преследуют, – прошептала я, когда в трубке раздался заспанный голос Каца. В груди возник холодный спазм, словно ужас происходящего стал осязаем после того, как я произнесла это вслух. – Я убежала из гостиницы, сижу в кафе, эти люди обходят улицы.

– Не выходите, – сразу же сказал он. – Вызовите полицию и скажите, что вас преследуют.

– Я боюсь…

– Вам нечего бояться! – отрезал Эмиль. – Вы ничего противозаконного не сделали!

На заднем плане раздался шум: разбуженная Дина спрашивала, что случилось. Эмиль отстранил трубку, я услышала приглушенное: «Это Лена».

– …пусть обратится в агентство.

Я слушала, как они препираются. Беспокоить Каца всегда было неловко, мне казалось, он нас с Аней недолюбливает, хотя никак не давал об этом понять. Но то ли я подспудно улавливала это шкурой, то ли такое впечатление создавалось из-за его холодности. Дина – другое дело. Я чувствовала, что она на моей стороне. И когда она вмешалась в разговор, сразу стало легче.

– Лена, обратитесь в охранное агентство, – вновь раздался голос Каца. – Они охраняли мою семью. Я позвоню, вас заберут.

– Даже если это что-то серьезное? – я вспомнила, как Эмиль не хотел лезть в разборки.

– Они специализируются на таких проблемах. Давайте адрес.

Точного адреса я не знала, но, как смогла, объяснила, в какое кафе меня занесло.

– Не выходите, – повторил он, прежде чем отключиться.

Я сжала трубку в кулаке и выдохнула – как будто холодом. Мучило жуткое предчувствие: случится что-то плохое. Такое же ощущение надвигающейся беды я испытывала, когда умерла мама, когда мы расставались с Андреем... Аня, уловив мою тревогу, начала хныкать.

– Т-ч-ч, – строго прошипела я, и посадила ее на колени.

Хорошо. Предположим, киллер мог узнать обо мне.

Достаточно было завести связи в криминальной среде и слухи бы донесли, что у Ремисова есть ребенок. Я открыла фото портрета, чтобы держать перед глазами. Пролистала, что было. Там были и другие мои работы: лучшие, те, которыми я гордилась и притащила на собеседование, наивно поверив, что они чего-то стоят.

Это единственное, что осталось от прошлой жизни, то, что я ценила. Но и эту ценность смяли и выбросили в мусор…

Мои рисунки, вдруг поняла я. Портфолио. Я ведь действительно поменяла все, что могла, но стиль не поменяешь – это во мне, часть меня, раньше мне говорили, что у моих работ есть «лицо», стиль автора. Я их много размещала в интернете, когда искала работу. Без портфолио никак, иначе я бы даже заказов не получила. Собирать его мне пришлось заново. Но по моим работам меня можно было бы найти... Если бы он говорил с кем-то, кто хорошо знает меня и мой стиль.

– Ах вы гады… – прошептала я, имея в виду свой старый круг художников.

Валера. Вита. Мои преподаватели – теоретически каждый из них мог меня узнать, не на сто процентов, но мог бы заподозрить мою руку. Особенно Валера. Не думаю, что зеленоглазый киллер допрашивал преподавательский состав, а вот мой бывший попадал в косяки с бандитами. Более того: два года назад к нему приходили, и чуть дух из него не вышибли.

Если киллер шел по слухам, то услышал бы, как мы с Андреем познакомились. И про мою подругу Виту, и про бывшего парня… Андрей мои проблемы уладил, а вот эти двое встряли на деньги.

Вита знала, что я беременна.

Валера прекрасно знал мой стиль, он мной восхищался. Знал, что я беру заказы в интернете, умел искать картинки. Этот момент не учли ни я, ни Эмиль. Не поэтому ли после «собеседования» киллер брал запись видео? Чтобы показать и точно убедиться, что это я? Сколько

же он потратил на это времени, и стоила ли овчинка выделки? Кто ему нужен: мы с Анютой или Андрей? Ведь не зря же переспросил, когда я задала вопрос: а ты знаешь, где он?

Как Эмиль правильно заметил: это не значит, что Андрей жив.

Совсем нет.

Но зачем-то это было нужно.

Мысленно я проследила цепочку: киллер долго искал меня, пока не наткнулся на портфолио. Убедился, что это я. Подстроил, чтобы меня взяли на работу, где директор был его целью.

Не тронул меня, когда я его раскрыла. Хотя мог бы.

У меня было два объяснения странной игры: либо он хотел подставить Андрея, либо выманивал на меня. И если второе, то я догадалась, зачем на самом деле киллер забрался в мой номер.

Глава 11

Я расстегнула сумку и перекопала вещи, ощупывая каждую. Одежда, моя и Анина, игрушки… Куда он засунул жучок?

Андрей пользовался отслеживающими устройствами. Я по опыту знала, какими маленькими они могут быть. Может, так киллер и в гостинице меня нашел?..

В дверь кабинки постучали. Я вздрогнула, а Аня расхныкалась.

– Вы долго? – голос у дамы был немного истеричным.

– Да! – отрезала я. – Соседние свободны.

С неразборчивым бормотанием та хлопнула дверцей кабинки рядом. Чтобы не привлекать внимания, из туалета я вышла минут через десять, и мы с Аней устроились на диванчике в закутке перед ним, готовые спрятаться обратно при опасности. Я следила, чтобы нас не было видно из окон. Возможно, те люди, обыскав улицы и даже заглянув в кафе, пока мы скрывались в кабинке, уже ушли, но я не хотела проверять.

Аня крутилась на диване, капризничала – малышка давно хотела спать. Я пригладила ей волосики, закусив губу от боли за нее.

– Потерпи, Анечка, – чтобы занять ее, я сунула в ручки куклу.

Ту самую, которую Андрей купил.

Звонок раздался минут через двадцать – с незнакомого номера.

– Алло? – робко ответила я.

– Елена Макина? Вас беспокоит директор охранного агентства по поручению Эмиля Каца…

Я выдохнула от облегчения.

– Оставайтесь на месте. За вами приедут через несколько минут.

– Хорошо.

Я спрятала телефон в сумку и вытянула шею, чтобы видеть вход.

– Иди сюда, – подхватила хнычущую дочку вместе с куклой, готовая бежать или прятаться. – Посиди у мамы на ручках спокойно…

Когда дверь распахнулась, и в кафе появились двое мужчин характерного вида, хоть и в обычной одежде, нервозность достигла такой отметки, что я сразу вскочила, как ужаленная. Первой идти к ним боялась, и ждала звонка, сжимая ручки сумки.

Оглядевшись, один из них достал телефон. Тут же зазвонил мой.

– Елена, где вы? Мы готовы вас забрать.

Я направилась к ним, прижимая дочь к себе. Ане не нравилось, но она быстро успокоилась – вокруг было много интересного. Мужчины окружили меня: один подхватил под локоть, другой открыл дверь. Машина была напротив выхода. В компании профессиональных телохранителей я сразу почувствовала себя лучше. Если им доверяет Эмиль, то я могу тоже.

– Меня преследовали, – предупредила я на всякий случай. – Люди на черных джипах. Они недавно обыскивали улицу.

– Мы никого не видели.

Я хотела сказать о том, что в мои вещи могли напихать жучков, но просто не успела – нас посадили на заднее сиденье. Мужчины сели вперед, и авто технично рвануло с места. Детского кресла не было: я держала Анюту на руках, сумку бросив в ноги.

Мы свернули в переулок, но далеко не уехали: путь впереди преградил черный джип. Предвидя, чем это может закончиться, я спряталась еще до окрика:

– Пригнитесь!

Прижала дочку к себе и накрыла теплую головку ладонью, повернулась спиной к ним, пытаясь спрятать ее за собой. Мы начали было сдавать назад, но телохранитель вынужденно

ударил по тормозам: сзади нас заблокировал второй джип. Мы остановились рывком. Если бы я с Аней не была уже на полу – обязательно свалились бы с сиденья. Дочка, не понимая ситуации, громко заревела.

Я ждала выстрелов, но вместо них захлопали двери: нас пытались перехватить. Дверь сбоку распахнулась, один из телохранителей вытащил нас с Аней наружу и утащил под прикрытие дома. Второй остался у машины: позади раздались выстрелы, он завязал перестрелку.

Не оглядываясь, я бежала вместе с телохранителем, крепко прижав дочь. Сумку бросила в машине. Аня затихла от тряски. Когда выбирались из салона, она выронила игрушку. Белокурая кукла осталась лежать на асфальте. Еще один поворот и перед нами, скрипнув тормозами, остановился черный седан. Я не успела испугаться, как меня ловко запихнули на заднее сиденье, хлопнули двери, и машина сорвалась с места.

– Там Серега остался, – телохранитель сел рядом со мной, и сейчас поправлял пиджак. – Передай, что мы оторвались.

Аня плакала, но тихо, как будто скорее для галочки. Ребенок так устал, что даже на плач не было сил. Я шептала утешения, целуя сморщенную мордашку.

– Елена, с вами все в порядке? – он окинул меня, дрожащую с ног до головы, взглядом. – Немножко пришлось испугаться, но теперь все хорошо. Вас отвезут на конспиративную квартиру до отлета. Шеф с вами поговорит.

Квартирка оказалась маленькой – однокомнатная студия с крошечной кухней, и необходимой мебелью. Все было настолько стандартным, как в гостинице, что я решила, что квартиру держат, как конспиративное жилье постоянно. Детской мебели не было, но кровать достаточно широкая, Аня сможет спать со мной…

Директор ждал меня в кухне. Первым делом, я отнесла ребенка в спальню, дождалась, когда принесут молоко, успокаивая, и уложила. Подождала, пока дочка выпьет молоко и заснет – измоталась за день. Лоб был еще немного горячим. Укрыла ее, и сидела рядом, с грустью думая, что Андрей был прав: дети не предназначены для жизни в бегах. Детям нужна стабильность, дом, семья… Он не смог бы нам этого дать, как бы ни хотел этого.

Больше всего было жаль куклу.

Это память Ани об отце, немногое, что она сможет подержать в руках, когда вырастет. Платье под божью коровку, наверное, тоже не вернут… Нужно попросить, чтобы проверили и потом отдали, если сумка так и осталась валяться в машине.

Вздохнув, я поцеловала дочку в горячий лоб, и направилась в кухню.

Директор охранного агентства стоял у окна, сунув кисти в карманы брюк. Я без сил упала за стол: безумно устала от беготни и нервного потрясения.

– Меня зовут Виталий Градов, я отвечаю за вашу безопасность, – он присел напротив.

Странно, но оказался сравнительно молодым. Я представляла себе седовласого мужчину за пятьдесят, а он до сорока дотянул максимум. Одет аккуратно, но просто – в черный костюм и белую рубашку. Выглядит как человек, который не думает о внешности, но это напускное безразличие: слишком идеальна каждая деталь образа. Либо служил в армии, либо в органах – видно по поведению.

– Расскажите, что произошло.

Я кивнула – голова раскалывалась. Скрывать нечего: рассказала обо всем с самого начала. О том, как попала на работу, о киллере, но умолчала чем тот занимался в номере, пока я принимала душ. Когда подошла к этому моменту, залилась краской и поняла, что не смогу признаться от стыда. Сказала, мол, просто заметила его, когда уходил. Градов ничего не заподозрил. У меня и так язык заплетался от стресса.

– Не волнуйтесь, – мягко посоветовал он, может, и догадался, что я скрываю что-то, а может, и нет. – Это тайная квартира, о том, что вы здесь не знает никто, кроме меня и двух

доверенных лиц. Здесь вы будете ждать вылета. Когда господин Кац прилетит, мы доставим вас в аэропорт под охраной. Вы в полной безопасности.

Его голос звучал плавно, веско, и внушал уверенность – я в надежных руках. Только расслабиться не получалось. Представляла, что нас с дочкой могли похитить, и снова начинало трясти.

А если бы увели силой? Я уже была в плену беременной, мне хотели на камеру отрезать палец и послать Андрею. С беззащитной малюткой оказаться в руках у очередных извергов я точно не хочу.

– Вы знаете, кто они? – спросила я, обхватывая руками плечи. – Что им надо?

Градов покачал головой, но не ответил: ему пришла смска. Я заметила, что он прочел ее и сразу удалил.

– После перестрелки они скрылись. Ваша сумка осталась в машине, мы изучим ее на предмет следящих и подслушивающих устройств.

– А кукла? Аня ее уронила рядом с машиной.

– Куклу не нашли. Скорее всего, ее забрали преследователи.

– Зачем? – нахмурилась я.

Мне это показалось странным, но директор мнения не разделил.

– Давайте лучше поговорим вот о чем. Судя по номерам, вас преследовали люди Глодова. Это серьезный человек. Вы рассказали достаточно опасные вещи, Лена. Он не побоялся вступить в конфликт, перестрелку. Вы с ребенком очень ему нужны. У вас есть предположения, почему?

Я помотала головой и крепко обхватила лоб ладонями. Голова заболела еще сильнее.

Понятия не имею, что нужно этому Глодову.

Я только сегодня о нем узнала!

Что им всем от меня нужно?.. Я наморщила лоб и расхныкалась, совсем как Аня недавно.

– Ну-ну, не переживайте. Мы обо всем позаботимся. Господин Кац передал мне фоторобот, я попытаюсь выяснить, кем был стрелок. Я не хочу вас пугать, Лена… Но посмотрите, подумайте, может быть, вы встречались?

Мужчина отдал включенный телефон. Три фотографии Глодова, самые разные: на отдыхе, встреча в офисе, и уже знакомый мне, обрезанный снимок.

– Это все, что удалось найти. Многие фото Глодова из свободного доступа удалены. Посмотрите внимательно.

Я честно рассмотрела каждую черту, прикидывая, могла бы я где-то с ним встретиться? У меня неплохая память на лица.

– Нет, – я вернула телефон. – Извините, я совсем его не знаю. А что?

– Он разыскивает вас, – помедлив, признался Градов.

Глава 12

– Разыскивает со вчерашнего дня, – продолжил он. – После убийства генерального директора Глодов запросил на вас информацию через отдел кадров. Его люди были по адресу, который вы оставили на работе, у ваших коллег, вычислили по записи в отеле, а также разослали ваши ориентировки во все охранные агентства города.

– Господи… – пробормотала я дрожащим голосом.

– Не волнуйтесь. У нас работают профессионалы, Глодов не сможет выяснить, что вы под нашей защитой. Однако у этого есть причины. Поэтому я прошу посмотреть на фото еще раз, и рассказать о том, о чем вы, возможно, забыли нам сказать.

Он мне не верил.

Такой интерес должен чем-то объясняться… Но я понятия не имела, чем. Еще раз рассмотрела фото. Мужчина как мужчина. Абсолютно ничего знакомого. Фамилия, сфера деятельности ни о чем не говорили. Я мучительно пыталась связать его с Андреем: может упоминал о нем?

Нет.

Но связь есть, просто не явная. Киллер не просто так меня впутал.

– Я встречалась с Андреем Ремисовым, – призналась я. – Если вы о нем слышали. Думаю, дело в этом.

– Слышал, – голос сдержанный, он не выказал своего отношения, даже кажется, это не стало для него новостью. – В прошлом на Глодова было совершено неудачное покушение. Не исключено, после того, как вы засветились на убийстве одного из его партнеров, он решил, что вы причастны к этому.

– Ну здорово…

– Это наиболее реалистичный вариант, – сказал Градов. – История настораживает. Если вам больше нечего добавить, мне пора. Не волнуйтесь, у подъезда останутся дежурить наши сотрудники. Спокойной ночи.

– Спасибо, – тихо поблагодарила я.

Я была бы спокойнее, если бы они остались дежурить в квартире.

Опустила голову и тяжело вздохнула.

Меня пугала неясная игра и наша с дочкой роль в ней. К счастью, ее можно отрубить одним махом, улетев послезавтра в Пекин. Я легла в постель. Пощупала дочкин лоб. Ничего серьезного – просто простыла, но как бы в самолете не стало хуже…

Вместо того чтобы спать, я строила версии.

Пожалуй, Градов прав. Заметив меня – гражданскую жену Ремисова, в ближайшем круге Геннадия Александровича, многие бы заподозрили, что я причастна к убийству. В деле использовали снайперское оружие. Они могли решить, что стрелял Андрей, а я помогала: была наводчицей или что-то выясняла.

Если я попадусь этому Глодову, меня при таком раскладе не пощадят. И попробуй убеди, что все не так и меня использовали втемную. Может, для этого зеленоглазый киллер и втянул меня в эту грязную историю?

Как бы я хотела, чтобы *он* был рядом. Сидел и гладил волосы, как во снах… Обняв дочку, я тихо заснула, надеясь, что увижу его, но *он* не пришел.

Утром я оценила вид из окна – оно выходило на оживленную улицу. Я осторожно прикрыла шторку, и в кухне стало сумрачно. Дочка еще спала, лоб был прохладным.

Осталось дождаться Эмиля. Должен прилететь завтра.

Если не выходить, то ничего не случится.

Впервые после убийства я немного успокоилась. Даже если вылет отложат или любой форс-мажор произойдет, здесь мы в безопасности. Не придется бегать от преследователей на черных джипах с ребенком под мышкой и с сумкой в руке.

Здесь был телевизор, я включила, чтобы дождаться новостей. Проснулась Аня, я покормила ее завтраком и выпила кофе. Ничего нового. Ведущие освещали что угодно, только не городскую хронику. Даже Геннадий Александрович как-то выпал из сводок.

– Ну и ладно, – вздохнула я, щелкая пультом, и экран погас.

Мы неплохо провели с Аней день. Привычные хлопоты придали мне сил. Самая большая моя мечта – просто побыть в декрете с дочкой и мужем где-нибудь в квартире, похожей на эту. Но для этого нужно было полюбить инженера или врача – простого, надежного парня.

Следующим утром меня разбудил звонок Эмиля.

– Лена? Я уже здесь. Сегодня вечером вылетаем, вы готовы?

– Жду с нетерпением, – грустно улыбнулась я, гладя Анины волосики, пока она спала рядом.

Главное, выбраться в безопасное место. Начать сначала можно всегда. Через год, через пять… Какая разница? Только потерянную куклу жаль…

Градов приехал за нами около семи вечера.

Из окна я наблюдала, как они подгоняют к подъезду машины и готовятся. Я одевала Аню, когда он поднялся.

– Вы готовы? – перед выходом Градов меня проинструктировал. – Мы обо всем позаботимся. В аэропорт вас будут сопровождать под охраной. Всего три машины, вы с ребенком поедете в средней. Не волнуйтесь.

– На нас могут напасть по дороге?

Я примерно догадывалась, что его беспокоит. У Глодова есть связи, судя по тому, как оперативно меня нашли в гостинице. На тайной квартире я в безопасности. Но если они знают, что мне помогал Кац, то выяснят, что сегодня приземлился его самолет и им не составит труда сложить два и два. Меня могут пытаться перехватить по дороге в аэропорт.

Плохая новость.

– Думаете, он найдет меня? Говорите прямо, я все понимаю.

– Такой риск есть, – не стал скрывать охранник.

Он рассказывал о беспрецедентных мерах безопасности и о том, что все непременно сложится хорошо, но я думала о другом. Вспоминала, как Власов хотел откромсать мне палец и холодела, представив на своем месте дочку. Ее я врагам не отдам. И уверения телохранителя меня не успокаивали. Я усвоила взгляд Андрея на мир – здесь много зла, а хорошее случается реже, чем хочется. О хорошем нужно заботиться, проращивать из крошечного зернышка, греть в ладонях и защищать от ветра. Вот как дается «все будет хорошо» в этой среде.

– Я настаиваю, чтобы вы сосредоточились на моей дочке. Что бы ни произошло, приложите усилия, чтобы она вылетела в Пекин, даже если меня пристрелят по дороге… А если не получится – спрячьте. Хорошо?

Он мог бы попросить меня не драматизировать, но Градов ответил:

– Это наша работа. Ваш ребенок будет под охраной. Разрешите спросить…

– Да?

– Отец ребенка – Андрей Ремисов?

Я кивнула. Если этим людям доверял Эмиль, то я тоже могу.

– Ну что ж… Идемте.

Он сделал какие-то выводы, но вслух не сказал. Подал мне руку, помогая подняться. Держа Аню на руках, я спустилась во двор и села в машину.

Дежавю.

В прошлый раз была зима. Я улетала, а *он*остался… С тех пор моя скорбь стала светлой, но не хватает *его*так же, как и раньше. Автомобили цепью покинули двор, мы выбрались из пробок и разогнались по автостраде к аэропорту.

Я смотрела в окно, спокойно прощаясь с городом.

Первые километры была напряжена – ожидала нападения с минуты на минуту, но ничего не происходило. Гудела дорога, я расслабилась. Аня тоже заинтересовалась видом и смотрела в окно, забавно вытянув шею из автокресла.

Градов сидел впереди, напряженный, но у него работа такая.

В окно смотреть надоело, я включила телефон, намереваясь немного почитать. Ехать оставалось не так уж и долго, когда в переднюю машину на полном ходу влетел фургон.

– Твою мать! – водитель держал дистанцию, но ее не хватило. Выкрутив руль, он съехал на свободную встречную полосу, чтобы обогнуть препятствие.

Схватившись за дочь, я резко обернулась: покореженный джип и фургон застыли посреди дороги, напрочь заблокировав полосу. Мы проскочить успели, но встречное движение возобновилось, и вторая машина сопровождения затормозила, их пропуская. Кто-то сигналил, кто-то бросил авто на встречной и бросился к пострадавшим. Сзади быстро росла пробка. Наш второй джип безнадежно отстал.

Чувствуя неладное, я крепко сжала ребенка, пытаясь ее прикрыть. Градов это никак не прокомментировал – бросил приказ водителю, мы не остановились, наоборот, прибавили скорости. Думаю, он был достаточно опытным, чтобы понять, что происходит…

Впереди дорога оказалась заблокирована: установили заграждения, на обочину накидали «ежей».

– Бей… – начал Градов.

– Нет! – я заорала как резаная, крепко обхватив дочь. – В машине ребенок!

Аня надрывалась от крика.

Я зажмурилась, прикрыв автокресло – нечто подобное с нами проделали, когда меня забирали из кафе. Только сейчас скорость была намного выше. Я ждала удара, похолодев от ужаса, но его не последовало. Водитель резко нажал на тормоз, меня швырнуло вперед, на спинку кресла. Приложило хорошо, в голове помутилось, я думала только о том, что Аня пристегнута.

Параллельно с нами затормозила машина.

Я знала, какие приемы они любят – прошить машину очередью на ходу, например. Тогда машина превращается в железную ловушку, а все внутри – в фарш.

Но мы были нужны им живые.

Дверь в салон распахнулась, и мужчина в маске схватил меня за руку.

– За мной! – в другой руке был пистолет. – Ты оглохла?! Выходи из машины!

Глава 13

В первое мгновение я инстинктивно брыкнула ногой, пытаясь отбиться.

– Помогите!

Сзади закричала дочь…

Заревела в голос от ужаса, увидев, что на маму напали. Такого крика, полного жалости и страха, я от Ани никогда не слышала. От него душа рвалась на части, он взывал к самой моей сути.

И я дала себя вытянуть из салона.

Оказалась на улице, провонявшей пылью и выхлопными газами. Меня схватили за шею – захват, чтобы не вывернулась, но я исхитрилась обернуться. По сердцу полоснуло лезвием, когда я увидела, как надсадно ревет Аня, широко открыв рот, и протянув ко мне руки с растопыренными пальчиками. Увидела Градова, который целился в напавшего, но не стрелял. Мелькнуло его разочарованное лицо, выставленные в оскале зубы. Мной прикрывались, как щитом. Напавшие знали, что стрелять не будут, пока в салоне ребенок и я между ними. И он не станет стрелять тоже.

Мы ведь нужны живые.

– Спрячьте ее! – заорала я им, развернулась и бросилась на него, как кошка. Драться я не умею: целилась в лицо ногтями, но плотная маска не дала расцарапать морду.

Наш водитель сдал назад, чтобы объехать заграждение, а меня втащили в машину похитителей. Приложили сильно – за сопротивление. Я упала на сиденье ничком, машина рванула, и я чуть не свалилась на пол. Какое счастье… Какое счастье, что я ее пристегнула. А у них не было времени отстегивать ребенка, пока я кидаюсь на них, как фурия, и с минуты на минуту подоспеют правоохранительные органы. Похищение было распланировано до минуты, поэтому у них не было даже секунды лишней. От сиденья несло дымом – салон был сильно прокурен. Упав, я ушиблась, и заворочалась, чувствуя боль в скуле.

Я глухо застонала, стон закончился рычанием, полным тоски и безнадеги. Перед глазами стояла перепуганная Аня, тянущая ко мне ручки. Это вызывало такую боль, которой раньше я не испытывала.

Моя доченька неизвестно где… Неизвестно с кем. Неизвестно, что с ней. Материнское сердце – источник огромной радости, и оно же делает жизнь невыносимой, если с ребенком что-то не так. Одновременно я плакала от счастья, что она не здесь, и от этого же разрывалось все внутри.

Лишь бы ее уберегли.

Спрятали. Отправили в Пекин. Что угодно, только бы она не попала к ним в руки.

Только бы спасли.

Как она будет одна? Кто ее успокоит? За свою короткую жизнь она никого ближе, чем я, не знала. У нее больше нет родных, кто ее утешит, когда она лишилась матери и осталась совсем одна?

Если Кац сумеет ее вывезти, Дина о ней позаботится, в ней я была уверена. Аня не знала ее близко и всего пару раз за жизнь видела, но мое сердце было бы спокойно, окажись моя малютка у Дины.

Она бы не бросила Аню. У нее самой двое детей…

Я горячо дышала от слез в старую обивку кресла, и чувствовала себя так, словно только что умерла внутри. Если я узнаю, что ее все же похитили – я сойду с ума. Меня мотало по сиденью, ногтями я впилась в него, и больше ничего не чувствовала, кроме всеобъемлющего страха за дочь.

Ехали недолго, сбросили скорость, загнали авто на задний двор какой-то развалюхи и там оперативно поменяли машину. Сбивают след. Намеренно, чтобы свидетели похищения не сдали машину властям. Меня посадили в белый минивэн и заблокировали двери. Двое сели вперед. Тот, что меня похищал, без страха стащил с головы маску, и мы погнали дальше.

В полной тишине: со мной не разговаривали, даже не угрожали и ничего не требовали. Это не бандиты. Меня не пытались запугать, а действуют по плану.

Первой я заговорить боялась.

В коттеджном поселке минивэн въехал за ворота особняка, закрытого тенью высаженных на участке деревьев, и остановился.

– Я никуда не пойду! – испугалась я, когда дверь распахнули.

Но меня бесцеремонно схватили под руки, как немощную и вытянули наружу. Перед тем, как войти в дом, мне ладонью закрыли глаза.

– Порог, – предупредил похититель.

У него оказался низкий, но хорошо поставленный голос, словно он привык говорить с трибуны. Я переступила порог, сделала несколько шагов на ощупь. Я ничего не видела, хотя свет проникал сквозь ладонь с неплотно сомкнутыми пальцами, поэтому обострились другие чувства. В доме пахло чистотой – так пахнет в дорогих и новых домах. Никаких домашних запахов: еды или выпечки, здесь пахло так, словно жили наездами и дом как раз был готов впустить жильцов, благоухающий и чистый, но безжизненный. Тишина. Такая благородная тишина появляется в больших и пустых домах с хорошей изоляцией. Ничего постороннего, так и ощущается застывшее время.

– Лестница, – меня вели наверх.

Я поднялась на второй этаж, мы свернули и только перед дверью с глаз убрали ладонь. Что от меня скрывали на первом этаже?

Дверь была сплошной, белой и с позолоченной ручкой. Замок отперли, и меня втолкнули в светлую комнату.

Я споткнулась, обернулась, но дверь захлопнули. Перед ней стоял здоровяк, сложив руки перед собой: кисть одной руки он держал на запястье другой, как профессиональный телохранитель из кино.

– Зачем меня привезли?

– Сядьте. С вами сейчас поговорят.

– Кто? – я пятилась от него, пока икры не коснулись чего-то мягкого. – Зачем я вам?

Я помнила, о чем говорил Градов: Глодов принял беспрецедентные меры, чтобы выследить меня, найти и похитить. У меня дрожали поджилки. В том, что это люди Глодова, я ни капли не сомневалась.

– Сядьте! – охранник разозлился. – Не разговаривайте!

Позади меня стоял бежевый диван, еще здесь был столик: очень похоже на приемную в больнице. В противоположной стене – две одинаковые двери рядом. Без них я бы чувствовала себя хуже – словно меня замуровали.

Я опустилась на диван.

Обхватила плечи, и уставилась в пол.

На столике валялось несколько журналов – они усилили впечатление от приемной. Словно я жду приема у какого-нибудь стоматолога или вроде того. В коричневой вазе стояла искусственная ветка с цветами.

Не похоже на допросную.

Но я не обольщалась.

И тем, что меня не били, обращались на «вы» и даже отвечали на некоторые вопросы, не обольщалась тоже.

У Власова меня тоже держали в неплохих условиях: в шикарной обстановке с дорогой мебелью и большим окном. В целом вежливо разговаривали, даже пригнали ко мне врача с аппаратом УЗИ, и неплохо кормили. А потом решили, что в воспитательных целях мне нужно отрезать палец. Я не была в этом виновата – «воспитывали» Андрея. Он недостаточно расторопно выполнял их приказы, как им показалось.

В любой момент они могут проделать то же самое, если не хуже. Андрей рассказывал, Дину изнасиловали втроем, наказывая ее мужа. Она восстановилась. Но чего ей это стоило никто, кроме нее, не знает и не может знать.

Скрипнула дверь, и я настороженно подняла голову.

Незнакомый мужчина в черном костюме… Высокий, худощавый и лощеный, словно модель с обложки, а не охранник. В руке он нес куклу… Анину куклу, которую она обронила. Значит, все же они забрали ее… Зачем принесли?

– Возьмите, – куклу протянули мне.

Помедлив, я взяла и положила на колени, расправив золотистые локоны и розовую юбку-пачку. Сердце тут же пронзила боль, когда я вспомнила, как маленькими пальчиками Аня мяла ее и прижимала к себе во сне. У нее такое умиротворенное лицо, когда она спит… Вспомнила ее улыбку, и сжала зубы, чтобы не разрыдаться от горя в голос.

Как я ее люблю, мою малышку. Где она?!

– Зачем вы это принесли? – агрессивно спросила я.

Это что, намек, что дочка у них?

– Кукла ваша, – пояснил охранник. – Ваша дочь обронила.

– Я знаю, чья это кукла! – заорала я, вскакивая. – Где моя дочь?!

Мне хотелось напасть на него. Драться, кусаться – рвать на части, если что-то ей сделали. Я знала, что проиграю, слишком разные весовые категории, но материнский инстинкт стал больше меня. Я была похожа на маленькую кошку, способную ради котят атаковать стаю псов, даже если нет шансов на победу.

За плечи он усадил меня обратно на диван. Зло поджал губы. Я его раздражала, но он держал себя в руках.

Чего они ждут? Привезли и держат меня, ни о чем не говорят, ни о чем не спрашивают. Неужели, ждут Глодова? Он едет сюда?

– Что вам нужно? – я вскочила снова, происходящее доводило меня до тихой истерики. – Что вы хотите от меня?! Кого вы ждете? Своего хозяина?!

– Советника по безопасности. Сядь! – прорычал он, как рассерженный медведь.

Я рухнула на диван, обняв игрушку.

Точно, меня допросят.

Насчет убийства Геннадия Александровича и того, как я там оказалась. Нужно перестать на них бросаться и подумать, что скажу. Лгать, чтобы не сделать себе хуже, или не стоит? И упоминать ли Андрея?

Ради Ани я пойду на все. Извернусь, что угодно сделаю.

Расправой над ребенком мне не угрожают, так что, надеюсь, дочь спасена и ее увезли в Пекин или спрятали, как договаривалась с охраной.

– Где моя дочь… – вновь повторила я.

Они молчали и смотрели без эмоций. Меня охватило черное предчувствие – не просто плохое, как раньше, а чудовищно страшное. Я не знаю, что со мной сделают… Не знаю, кто будет вести допрос и сумею ли доказать, что мы с дочкой ни в чем не виноваты. По правде говоря, это не слишком меня и волновало – ушло на второй план. Сейчас занимали мысли только о дочери.

Потому что если у Градова ничего не получилось, Аню забрали и будут меня шантажировать, заставляя признаться в том, чего я не делала и чего не знаю, то не знаю… Я оговорю

себя, и кого угодно, лишь бы ее не трогали. Я безумно боялась, что Градов не справился, и дочь сейчас принесут сюда. Может, поэтому принесли куклу? Или почему?..

Я крепко обняла куклу, как маленькая, и заставила мысли, от ужаса скачущие в голове, как блохи, успокоиться.

Ничего не изменить.

Я ни на что не могу повлиять. Только на то, чтобы успокоиться и морально подготовить себя к тому, что будет дальше.

Но к реальности я подготовиться не смогла.

Через двадцать минут раздались шаги в коридоре… Сюда шли несколько человек… может, три-четыре. Сердце екнуло от страха, словно через секунду мне начнут пихать иглы под ногти.

Я подняла голову и положила куколку на колени.

Дверь распахнулась – их правда было трое. Первой вошла охрана, а последним… Андрей. В такой же одежде, как остальные, но на них не похожий. Он выделялся среди охраны, как волк выделяется в отаре овец – даже натянувший овечью шкуру. В ушах зашумело.

Я даже встряхнула головой, прогоняя видение. Мне мерещится от страха?

Они расступились.

Андрей смотрел на меня – словно ждал реакции.

А я не понимала.

Не понимала, что происходит. Не понимала, что он здесь делает.

Я ждала чего угодно – пыток, угроз, только не *его*. Не исполнения своей мечты.

Я так *его*ждала, что не верила в происходящее.

– Это она, – сообщили ему.

– Вижу, – когда Андрей заговорил тем самым тихим и невнятным шепотом из снов, я поняла, что это действительно *он*.

Глава 14

Я боялась произнести его имя.
Вдруг сейчас он носит другое, а я выдам его... Или позову: Андрей, и он

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.